

ДМИТРИЙ БИЛИК

ЗАСТЕНЕЦ
2

Застенец

Дмитрий Билик

Застенец 2

«автор»

2024

Билик Д. А.

Застенец 2 / Д. А. Билик — «автор», 2024 — (Застенец)

Разломы все чаще начинают проникать в мир людей. И с каждым разом их последствия все более ужасающи. Чтобы остановить иномирных тварей нужно стать сильнее в самое ближайшее время. А тут еще и соревнования по футболу, на кону которых ни много ни мало – судьба человека. А если быть точнее, твоей родной тети.

© Билик Д. А., 2024

© автор, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Билик Застенец 2

Дмитрий Билик

* * *

Пролог

В этот раз музыкальная отбивка новостей звучала изначально тревожнее и будто бы даже быстрее. Обычно ухоженная, ведущая была накрашена наспех, отчего в глаза еще ярче бросался ее возраст, да и выглядела она растерянной.

После длительной паузы, каждая секунда которой растягивалась в вечность, она торопливо заговорила, читая в спешке набранный на суфлере текст.

– В эфире экстренное включение «Вестей». С вами Антонина Черноглазова. В ряде регионов наши граждане столкнулись с агрессивно настроенными существами неизвестного происхождения. В данный момент высказывают версии о... – тут она на мгновение запнулась, но быстро взяла себя в руки, – о так называемой магической природе существ. Наш специальный корреспондент готов к прямому включению из Похвистневского района Самарской области. Илья...

На зарябившем экране появился худой парень с измазанной в грязи щекой. В правое ухо у него был вставлен наушник. На мгновение картинка мигнула и наконец-то пошел звук.

– На х... выбираться надо отсюда, Серега. В п...у эту работу, выжить бы...

Видимо, именно сейчас он услышал голос ведущей. Потому что картинка выровнялась, а сам журналист приобрел более серьезный вид. Даже паника в глазах исчезла. Одно дело – истерить при собственном операторе, и совсем другое – когда на тебя смотрит вся страна.

– Добрый день, Антонина, если его можно действительно назвать таковым. Именно сейчас в нескольких сотнях метров от нас разворачивает свои силы специальный десантный батальон. Они уже сдержали первую попытку прорыва этих... – тут он замялся, не зная, как называть тех самых существ, – монстров. И теперь Вооруженные Силы Российской Федерации...

Его вполне воодушевляющий рассказ прервал леденящий душу крик. Камера дернулась, зумом выхватывая кучу мельтешащих перед вооруженными людьми точек вдалеке. С виду все это напоминало муравьев, которые пытаются нахрапом взять раненую осу. С той лишь разницей, что крохотные муравьи не могут отрывать конечности у существ, превосходящих их в размерах.

Невпопад раздавались автоматные очереди, кричали упавшие без всякой надежды подняться на ноги, хрустели разрубленные кости, чавкало мясо, отделенное от этих самых костей.

Камера выхватила одного из несчастных с висящей культей вместо левой руки. Он что-то яростно кричал, держа автомат в правой, и отстреливался короткими очередями. Бешеный комок, словно собранный из шерсти и зубов, яростно дергаясь, влетел в его шею и пустил фонтаны крови в разные стороны.

Рядом полз его собрат по оружию, правда, без всякого оружия. За ним волочилось что-то мерзкое, длинное, красное. И только если пристально приглядеться, становилось ясно, что у солдата нет не просто ног, у него отсутствует половина туловища ниже бедер.

Заметался оказавшийся ближе всех к оператору десантник, снимая что-то с разгрузки. Его заглушил шум приближающихся вертолетов. Однако в самый последний момент громкий хлопок затмил собой все. И десантник вместе с подступающими «муравьями» разлетелся на части.

Тут уже желание журналиста жить взяло верх над профессионализмом. Он крикнул нечто нечленораздельное, после чего оператор последовал примеру товарища. Камера уткнулась в землю, некоторое время еще снимала сорную траву и ковыль, а после выключилась. Будто бы сама собой. Но последние звуки рядом с ней, словно inferнального происхождения, красноречиво говорили, что неприятель добрался и сюда.

Те, кто работали в телецентре, относительно быстро поняли что к чему, и вернули картинку в студию. Правда, лучше не стало. Ведущая испуганно хлопала глазами, словно все это случилось в двух метрах от нее, и не могла вымолвить ни слова.

На мгновение показалась даже рука, машущая из-за студийной камеры. И только после этого девушка бессвязно пролепетала:

– Просим прощения. Технические неполадки. Мы позже... вернемся.

А затем исчезла и она. С противным писком во весь экран появилась разноцветная таблица настройки изображения. И так было по всем каналам.

* * *

– ...все перебиты. Несколько трупов отправлено на изучение в Новосибирск, остальных увезли на Рощинский полигон.

Было видно, что командующий Центральным военным округом генерал-майор Шапочников нервничает. Несмотря на седины и приличный послужной список. Спроси Евгения Николаевича еще вчера, у кого идеальная карьера в армии, тот, с присущим ему юмором, ответил бы, что у него. А теперь... теперь непонятно, что будет дальше.

– Потери? – сухо спросил Президент Верховный Главнокомандующий.

Этого вопроса генерал ждал. И боялся. Хотя понимал: не спросить президент не мог. Если уж по федеральному каналу показали...

Шапочников всегда не понимал, почему этого маленького коренастого человека так боятся. Но теперь, когда ощутил на себе этот пристальный взгляд исподлобья, почувствовал себя нашкодившим мальчишкой, которому приходилось оправдываться.

– По предварительным данным около двух тысяч убиты и семь тысяч безвозвратно ранены.

Хотел сказать еще что-то, но не смог. Язык прилип к гортани, а по спине между лопаток потекла струйка холодного пота. Будто он лично был виноват в неожиданном появлении этих мерзких тварей.

– За один день, – тихо произнес Президент Верховный Главнокомандующий, словно размышляя. – Что по гражданским?

– Пока с... считаем, – начал заикаться Шапочников. – Думаю, потерь больше.

Он замолчал, явно что-то обдумывая. Молчали и все остальные генералы, включая министра обороны. Случившееся нельзя было назвать даже чрезвычайным происшествием. Сюда больше подходило слово «катастрофа».

– Что скажете, Александр Мергенович?

Министр обороны заговорил неизменно тихим голосом, точно рассказывал обычную бытовую историю. Однако бледный вид свидетельствовал о крайнем волнении.

– Мы впервые столкнулись с таким противником, Виталий Витальевич. Армия не была готова к подобному развитию событий на нашей территории. Большая часть существ появилась в Самарской области, что мы связываем с наличием города иносов...

– Связывают, – прервал президент, и в глазах его на мгновение блеснуло зарево надвигающейся бури. – Аналитики чертовы. Конечно, это из-за иносов, из-за кого же еще?

Он помолчал, глядя на беззвучно работающий в кабинете настенный телевизор. Совещание решили провести срочно, поэтому до Кремля главнокомандующий не доехал. Остался в Ново-Огарево.

Именно Кремль сейчас показывали. Могучий, древний и будто замерший в ожидании чего-то недоброго. А хорошего ничего ожидать не приходилось. Просто так флаги не приспускают.

– И Васютин этот, идиот, – не стал сдерживаться президент. – Руководитель федерального канала, тоже мне. Такое в прямом эфире пустить.

– Васютина уволим, Виталий Витальевич, – робко подал голос начальник Главного контрольного управления президента РФ Семенов, бодрый до невозможности, исполнительный и вместе с тем глуповатый. – И журналистку. Оператор с корреспондентом, к сожалению, мертвы. Им мы ничего...

– К сожалению? – зацепился за слово главнокомандующий.

– В смысле, без сожаления. То есть, просто мертвы.

У Шапочникова громко стучало сердце. Когда он увидел, что президент тяжело вздохнул, на короткий миг даже показалось, что он знает, о чем думает Виталий Витальевич. Кадры, кадры, кадры. Даже на такой высокой должности начинаешь ощущать их резкий дефицит. Хотя скорее, именно на подобной должности он ярче всего и воспринимается.

Семенова давно надо было уволить. Он, что называется, не соответствовал своему креслу. Об этом знали все. Вот только где найти компетентную замену, да еще такого же преданного, как Семенов?

– Васютина перевести, но без лишнего шума, – сказал наконец Виталий Витальевич. – Придумайте ему там занятие. Но чтобы все поняли, что к чему. Журналистку не трогать. Тут показательные порки не нужны. Надо думать, что теперь делать дальше. Вы же понимаете, к чему все идет?

Шапочников понимал. Он представлял масштабы катастрофы и очень хотел сохранить задницу в тепле на своей должности. Из ниоткуда взявшиеся твари – не просто недоразумение. Это лишь первая ласточка.

– Будут еще так называемые прорывы, – подтвердил его догадку президент. – И теперь надо быть к ним готовыми. Как бы нам не хотелось, но привычный нам мир изменился. И теперь он никогда не станет прежним. Несколько глав ОДКБ уже прислали письма с готовностью оказать поддержку. Даже американцы готовы выслать солдат НАТО. Дожили! Они хотят нам оказывать поддержку!

– Может, настало время для асимметричного ответа, Виталий Витальевич? – подал голос Грознов. Один единственный из генералов, который, казалось, даже сейчас сохраняет невозмутимость. По крайней мере, по его сдвинутым бровям складывалось именно такое ощущение.

– Ответ кому? Иносам?

– Виталий Витальевич, так ведь понятно, кто за этим стоит, – не унимался Грознов.

– Мне кажется, что они сами не рады этим прорывам. И у них там, внутри, тоже что-то происходит. По крайней мере, пока никаких ответов из-за стены не поступало.

Шапочникову показалось, что на мгновение президент утратил всю суровость и решительность. Впрочем, длилось подобное недолго. Короткий миг.

– Пока суть да дело, Александр Мергенович, переведите все силы сдерживания в режим несения боевого дежурства. Отозвать всех из отпусков. Вы сами все знаете, чего я Вам объясняю. Подобное не должно повториться!

Шапочников облегченно выдохнул. Не сняли, обошлось. Но у него родился довольно серьезный вопрос. Надолго ли?

Глава 1

Зейфарт сейчас представлял собой осадную башню на поле боя. Столь же величественную и непреступную. Он никогда не был крепким здоровым мужиком, как у нас принято рисовать супергероев. Однако именно сейчас от него настолько мощно веяло силой, что хотелось быть поближе к директору. Но у него были свои намерения на мой счет.

– Портупей-юнкеры, сюда, живо!

Мне и бежать не пришлось. Просто сделал пару шагов вперед. А вот от занимающих позицию лицеистов отделилась пара человек: Извольский и Аввакумов. Отличники учебы и военной подготовки.

– Ирмер-Куликов, на Вас семерки и шестерки. Народу там много, а толку не особо. Будете удерживать площадку перед заводом. От Вас многое зависит, внутри неумы. Они вряд ли что-то могут противопоставить противнику. Аввакумов, возьмите взвод пятерок и встаньте у северного входа. Извольский, на Вас все, кто рангом выше. Вы вместе со мной встанете во главе нашей крохотной армии. Господин подполковник, – обратился Зейфарт к начальнику моей охраны. – Нам бы очень понадобилась Ваша помощь.

– У меня личный приказ Его Величества охранять Ирмера-Куликова, – холодно ответил тот.

Твердолобый, чтоб его, дурак. Нас того и гляди вообще сметут отсюда. А он – приказ. С другой стороны, именно теперь я окончательно понял серьезность Императорского конвоя. Они были готовы пожертвовать и своей, и чужой жизнью, лишь бы выполнить приказ.

– Пусть так, – даже не пытался скрыть разочарование Зейфарт. Он быстро понял, что дальнейший разговор бессмыслен. Поэтому обратился к нам. – Надеюсь, вы все поняли. С Богом, господа.

Собственно, ничего передавать с помощью испорченного телефона и не понадобилось. Практически все лицеисты, сейчас притихшие, слышали слова директора. Я даже с удовольствием увидел кислое лицо Бабичева. Ну да, применил Зеркало, теперь будь любезен встать под командование Извольского. И еще с грустью и некоторым удивлением посмотрел на Варвару, которая также отправилась вместе с командиром «Людей чести». Наши отношения были настолько сложными, что я до сих пор даже не поинтересовался, какой у нее ранг. Получалось, что выше пятого. Однако, в таком-то юном возрасте...

Правда, на этом прилив изумительных и положительных эмоций закончился. Во-первых, я понимал, что ничего хорошего ждать не приходится. Во-вторых, легко сказать – возьми под руководство людей. Нет, обучение тактике у нас проходило постоянно. К тому же фельдфебель частенько «вбивал в наши пустые головы прописные истины». Однако, одно дело – теория, а другое – практика.

Что ж, будь так, война план покажет. Мне сейчас продемонстрировать собственное бессилие просто нельзя. Лицеисты и так растеряны до невозможности.

– Шестерки и семерки, за мной, бегом! – перенял я манеру командования Зейфарта. А что? Надо учиться у лучших.

Площадка перед заводом была просторная. С дальней стороны ограничена мастерской, с другой – местом, где частично еще остался забор, в котором теперь зияло несколько прорех. Знаю, порядка никакого в хозяйстве.

Я понимал, почему директор определил нас именно сюда. Это самый что ни на есть, тыл. Тылее некуда. Вряд ли нам здесь будет угрожать что-то серьезное. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Быть героем всея Империи сейчас мне хотелось меньше всего.

К тому же молчаливые казаки, ставшие моей тенью, тоже довольно внушительная сила. Кстати, хорошо бы договориться сразу обо всем на берегу.

– Ваше Высокоблагородие, – обратился я к Черевину, – позвольте полюбопытствовать, Вы будете ждать, когда меня попытается разорвать на части какая-нибудь иномирная мерзость, или откроете огонь на поражение, как только увидите ее?

Вопрос был, что называется, насущный. Наверное, оттого Черевин и позволил себе на пару секунд задуматься. После чего ответил:

– Легче попытаться предотвратить угрозу, чем тщетно бороться с ее последствиями.

У меня с души камень упал. Значит, на пятерых казаков я могу рассчитывать.

– Господа! – повысил я голос, обращаясь к лицеистам. Правда, тут же добавил, исправляясь: – И дамы...

Помимо Дмитриевой здесь были девчонки из команды «Победителей» – Завольская и Штейнберг.

– Семерки, расставьте Силки у забора. В бою используйте Проклятие и Искру. Вы важная часть нашего отряда. Шестерки, на вас Кистени, Стрелы и Громовой шаг. Юнкеры, сегодня у вас замечательная возможность проявить себя! – повторил я слова Зейфарта.

И надо отметить, что моя короткая речь воодушевила лицеистов. Я понял одну важную вещь – для того, чтобы люди не паниковали, нужно увлечь их каким-нибудь делом. Тогда для страха времени не останется.

Так и было, пока мы готовились к обороне. А вот когда пришло время ждать, липкая рука страха вновь забралась за шиворот и схватила за шею. У меня самого подрагивали колени, но я всем своим видом демонстрировал спокойствие. По крайней мере, пытался. Я же, на минуточку, тот самый застенец, который убил главаря Слепцов.

Правда, ждать долго и не пришлось. Как я и предполагал, основной удар пришелся на силы Зейфарта и высокоранговых юнкеров. Со стороны главного входа раздались звуки взрывов, воздух раскрасился синевой заклинаний, запахло паленой шерстью и кровью. А потом настала и наша очередь действовать.

Как оказалось, в этом мире нигде нельзя чувствовать себя в полной безопасности. Даже находясь в тылу. Сначала я увидел сквозь прорехи в заборе черные кругляши, напоминающие перекасти-поле. Вот только эта сорная трава приближалась к нам с поражающей быстротой. Подпрыгивая так высоко, что мы диву давались.

Сверкнула впереди Баррикада – это подполковник Черевин решил на всякий случай обезопасить лицеистов. Четвертый ранг, значит. Собственно, на что-то подобное я и рассчитывал.

Правда, Баррикада вышла не такой уж большой. Всего лишь метров тридцать в ширину. Более того, сыграла даже в минус. Потому что стоявшие впереди лицеисты стали жаться к ней поближе, сбивая строй. Умирать сегодня не хотел никто.

Первыми ударили казаки. Серебристой вспышкой у дыр в заборе залязгали созданные клинки, расходясь в стороны и заменяя собой массовую мясорубку. Я насчитал сразу пять Вспышек мечей. Одно из заклинаний было массивным, ярко выраженным и явно принадлежало подполковнику. Остальные более блеклые, крохотные, клинки зазубренные. Все потому, что подчиненные Черевина не дотягивали до четвертого ранга. Но и то неплохо. Боже, храни Его Величество за мою охрану!

Крохотные комочки, не больше полуметра в диаметре, разлетелись на составные части. Один из нападавших, окровавленный и умирающий, влетел в Баррикаду и оглушенный сполз вниз. Даже погибая он не оставлял попыток дотянуться до человеческой плоти. А я повнимательнее разглядел иномирную тварь.

Тело нападающего на самом деле не было круглым, скорее, вытянутым – мощные передние и задние лапы, широкая пасть, крохотные подслеповатые глазки и нос с множеством вибриссов на нем. Видимо, ориентируются по запаху, сволочи. Иллюзию же шара создавала густая шерсть, которой твари были облеплены со всех сторон.

А еще они оказались быстрыми. Чересчур быстрыми. Из десятка Кистеней шестерок достигли цели лишь пара. Стрелы вышли столь же бесполезными. Попробуй попади в такую шустрюю цель. Более действенным оказался Громовой шаг.

Вскрикнул один из лицеистов, завалившись на бок, в его руку вцепился черный комоч ярости, пытаясь отгрызть ее. Благо, на помощь бросились несколько юнкеров, в доли секунды превратив шерстяной клубок в подушечку для булавок. Вот тебе и ответ, зачем нужно все время иметь при себе кортики.

Это нам еще повезло, что твари не очень сообразительные. Нападали в лоб, не понимая, что с краев никакой защиты, кроме редких Кольчуг, на шестерках нет.

Отступил на шаг назад подполковник. Баррикаду прогрызали нападающие, все-таки пробравшиеся через Вихрь мечей и многочисленные Силки. К слову, последние сработали неплохо, но слишком уж много оказалось тварей.

Нашу оборону сминали. Правый фланг спешно пятился, раненых становилось все больше, а несколько лицеистов и вовсе лежали, не подавая признаков жизни. Я, уже даже не вспоминая о желании хранить свой ранг в тайне, шаршил в толпу Громовым шагом. И не только я.

Шерстяные зубастые клубки разлетались на части, однако их ряды пополнялись новыми собратьями. Рядом замер в ужасе Горчаков, водя кортиком перед собой. Словно был готов отразить нападение того, кто прорвется через Баррикаду. Протопопов хоть и выглядел более сосредоточенным, даже пытался колдовать, но формы его заклинаний рассыпались прежде, чем он вкладывал в них силу.

Только Дмитриева замерла, отрешенная, чужая. Будто читала интересную книгу, которая перенесла ее в другой, выдуманный мир. А потом она повернулась ко мне, поглядела пустым отсутствующим взглядом и тихо проговорила:

– Необходимо продержаться совсем немного, помощь уже близка. Нужно защитить всех.

Это ты молодец, хорошо придумала. А я все не могу решить, чем бы заняться. У меня только один простой и незамысловатый вопрос – как?

Баррикада разрушалась, напоминая собой сейчас дырявую натянутую простыню. Несколько тварей почти пробрались сквозь нее, толкаясь мускулистыми конечностями и распахивая друг друга. Когда они прорвутся, быть беде.

И дело не в том, что заклинание подполковника вышло плохим. Все объяснялось просто – сил мага оказалось недостаточно, чтобы в такой короткий срок противостоять нападающим. Форма заклинания попросту не успевала восполниться.

Тогда я предпринял самоубийственный шаг. Даже самоубийственнее, чем демонстрация заклинаний шестого ранга. Точнее, в сложившейся ситуации только данное действие могло мне помочь. Хотя скорее уж, всем нам. Но в будущем явно принесет больше бед, чем пользы.

Именно сейчас я отвернулся от смерти и крови, приблизился к Черевину и положил руку ему на плечо. Сказать, что тот удивился – не сказать ничего. В другой ситуации подобный жест сочли бы фривольным. И правильно бы сочли. В моем мире только за легкий намек на такое сразу клеили радужные ярлычки на книги и запрещали к упоминанию. Все-таки цивилизация, и все такое.

Но об этом сейчас думать было недосуг. Я напрягся, прогоняя внутреннюю силу через тело. По ощущениям это напоминало, как если бы тебя выпустили после вчерашнего матча с забитыми мышцами на новую игру. Не размявшись. С первых минут.

Виски закололо, голова загудела, пальцы задрожали. Наверное, все дело еще и в том, что я отдавал много силы. Чересчур. Потому что действовать надо было поспешно. К примеру, в госпитале, с тем же штабс-капитаном, дар тек намного медленнее. Теперь я выдавливал его из себя невероятно быстро. Как пюре из пакета с крохотной дырочкой, пытаясь сжать настолько сильно, как только было возможно.

И тогда взгляд подполковника с неодобрительного сменился сначала на удивленный, а после на признательный. Черевин даже коротко кивнул, а я на мгновение почувствовал форму его заклинания, структуру заполнения, даже отдельные элементы ковки. Будто подсмотрел за чужой работой через приоткрытую дверь.

Мне и поворачиваться не понадобилось, чтобы понять трансформацию заклинания. Я чувствовал, что Баррикада восстанавливается, латаются дыры, расширяется сфера действия, заполняется ею вся площадка. Теперь под защиту заклинания попадали не только те лицеисты, которые стояли в центре. Под защитой оказались все юнкера, включая раненых.

Как известно, у каждого происшествия есть плюсы и минусы. Из плюсов – мы наконец закрылись от этих чертовых прожорливых комков из шерсти и зубов. Минусы – мои силы тоже не безграничны.

Чувствовал я себя хорошо первые секунд двадцать. А потом начало колбасить. По ощущениям это походило на тот самый заклятый июльский матч в плюс тридцать. Когда во втором тайме я понимал, что сейчас где-нибудь упаду и больше не встану.

Только ко всему прочему добавилась боль в костях, мышечные судороги, поплыли разноцветные круги перед глазами. Магия выкрутила рубильник на полную, забыв про предохранитель.

– Лиза, сколько еще нам надо продержаться? – чужим голосом спросил я, чувствуя невероятную сухость во рту.

– Уже, – тихо ответила девушка.

Тогда я все же крутанул головой, чтобы посмотреть, о чем она говорит. И увидел одинокую фигуру у забора, закованную в сияющий Панцирь – улучшенный вид Кольчуги, составляющий сплошной доспех.

Мерзкие твари тоже заметили появление незнакомца. И даже вроде как обрадовались. Часть из них поспешила выковырять вкусный деликатес из магической консервной банки. Если это наш спаситель и его единственная фишка – защитное заклинание пятого ранга, то у меня плохие новости. Мы тут все сдохнем!

Однако маг будто бы не замечал неприятеля, пусть с каждой секундой все тяжелее и тяжелее продвигаясь вперед. Казалось, он нарочно привлекал внимание шерстяных тварей. И надо сказать, это у него получалось вполне неплохо.

Все больше зубастиков отлеплялись от Баррикады, увлекаемые новой целью. В какой-то момент я даже понял, что дальнейшая подпитка Черевину не нужна и отпустил его. Весьма вовремя, ибо сам едва держался на ногах. А наше защитное заклинание осталось в неизменном виде. Разве что чуть сузилось, но всего на какие-то десять метров. Теперь все внимание было приковано к чужаку, затрудненные движения которого казались мне какими-то знакомыми.

В какой-то момент тот, облепленный со всех сторон чужеземными тварями, остановился и стал создавать форму. Странную, невероятно сложную, при этом совершенно не обращая внимания на неприятеля, слившегося в одну живую, бурно шевелящуюся массу.

Он не плел и не ковал. Скорее, собирал форму по кусочкам, словно замысловатую мозаику. И только тогда я догадался, кто передо мной. Догадался и одновременно испугался за мага. Куда ему с его способностями братья за такие заклинания?

Но вот закончил создавать форму, и в нее полилась сила. Хлынула бурной рекой, заполняя все пространство. А потом все вспыхнуло.

В первую очередь воспламенился сам человек, словно состоял из горючего газа. Сейчас он напоминал яркий факел. А вместе с ним загорелись и все враги.

Все произошло в короткое мгновение. Твари кричали, скрежетали зубами, шерсть трещала на их телах, превращаясь в жесткую корку. И вдруг все закончилось.

Случилось все так быстро, что я даже удивиться не успел. Словно каждый день только и видел подобные чудеса.

Казалось, зубастики сгорели изнутри. Не просто сгорели, а превратились в кучки золы, осыпавшиеся у ног нашего спасителя. Лишь сквозь пепел их останков блестели на свету крохотные, будто жемчуг, сульфары.

Воздух наполнился запахом гари и пережаренного мяса. Он был таким насыщенным и плотным, что к горлу подступила тошнота. Но, как выяснилось, я оказался еще стойким. Многие выжившие лицеисты согнулись, выблевывая свой завтрак.

Я же смотрел на того, кто пожертвовал всем. Того, кто не мог сотворить подобное заклинание с его уровнем развития силы. Человека с широким внутренним руслом, как говорил Пал Палыч, и оскудевшей рекой дара.

Будочник преобразился. В том числе внешне. Кавалерийский черный мундир с красными выпушками, теперь местами подпаленный, ему невероятно шел и будто бы был сшит идеально по фигуре. На воротнике закреплены петлицы, которые позволялось носить лишь тем, кто проявил себя: за «Военное отличие». И грудь увешанная орденами: «Белый орел», «Военный святого Георгия четвертой степени», «Святой Анны», «Орден святого Владимира четвертой степени». Да твою мать, кто же мог подумать, что Будочник не просто сумасшедший мужик, доживающий свой век, а массовая машина для убийств?

Спасший нас подполковник (офигеть, так он Высокоблагородие!) разodelся подобным образом не просто так. Я понял это только что. Будочник был не из тех, кто кичился своими достижениями. Скорее наоборот, собственное прошлое он тщательным образом скрывал, словно стыдясь содеянного.

Все это он сделал по одной простой причине. Будочник пришел сюда умирать. Отсюда и Испепеление – заклинание третьего ранга, которое мой незадачливый учитель попросту не мог потянуть. Точнее, был способен его создать. Но цена за него оказалась невероятно высока.

Будочник все это понимал. И все равно сделал. Как понял? Почувствовал? Осознал, что мне угрожает опасность? Все это было уже неважно. Кроме того, что сейчас он стоял, пошатываясь, передо мной. Все, что успел произнести Будочник, уместилось в три слова:

– Вот так, лицеист.

И прежде чем я бросился к нему, он упал, словно тряпичная кукла, сильно ударившись головой.

Глава 2

Мой огромный дом замер, словно нечаянный прохожий, по ошибке забредший на чужие похороны. Внутри царил могильная тишина. Соседушко умел перемещаться тихо, а снизу доносились только редкие вздохи Иллариона. Первое время он частенько появлялся у меня, пока я чувствовал себя полной развалиной, а после стал захаживать реже. Иногда поскребется тихонечко в дверь, напомним об ужине, а затем, с показательно громкими вздохами, отправлялся восвояси.

Первые пару дней я действительно физически чувствовал себя хуже некуда. Кости ломило от малейшего движения, постель промокла от пота, а любой звук отзывался жутким раздражением внутри головы, словно ржавой тупой пилой пытались отнять ногу.

Казаки приволокли меня сюда сразу, едва подобное стало возможным. Невзирая на угрозы, мольбы и лежащего на площадке перед заводом Будочника. У них был приказ, чтоб его. И даже полномасштабное вторжение иномирных тварей его не отменило.

А потом наступил откат. Та самая расплата за отданную часть дара, которая не проходила бесследно. Я трупом лежал в горячечном бреду с ощущениями, что собственное тело грозит развалиться на части. И не обращал никакого внимания на тех, кто присутствовал рядом. Был Илларион, который поил меня водой, это точно. Будто бы находилась неподалеку Варвара, видимо ее пустили сюда как лекаря. Кто-то еще.

Через день меня начало отпускать, а вскоре физическая боль ушла, уступив место душевной. Ноги и руки вновь стали слушаться, вот только я ощущал себя гаже некуда.

Местная газета вышла с осторожным репортажем по поводу субботних событий. В ней лишь перечислялись места Разломов и сопутствующие потери. Нам не повезло. Последний, пусть и не такой мощный, как в центре, выброс тварей унес жизни одиннадцати лицеистов, двух взрослых магов и нескольких недовомов, имевших глупость выбраться из укрытия.

И одного эксцентричного в прошлом учителя, кавалериста, орденоснца. Я понимал, что напрямую не виноват в его смерти. Однако что-то внутри постоянно подтачивало меня. Навалилась такая апатия, что даже шевелиться не хотелось. Как и есть, пить и чем-то заниматься.

Справляться о моем драгоценном здоровье приходили многие. И друзья по лицу, и футболисты, и даже Самарин. Я приказал никого не пускать. Разве что Варвара прорвалась на пятый день. И то лишь потому, что имела официальное задание – проверить мое здоровье. Пришла она с уже знакомым мне врачом. И что я сделал? Привел себя в порядок или хотя бы умылся? Нет, лишь натянул одеяло повыше.

– Добрый день, – лучезарно светился тот самый, румяный эскулап, держа в руках стопку бумаг. Я даже не попытался вспомнить его имя. – Как себя чувствуете?

Я лениво перевел взгляд на Варвару Кузьминичну, которая выглядела как всегда великолепно, разве что чересчур встревоженно. Она о чем-то перекинулась парой фраз с доктором, после чего подошла ко мне.

– Все в порядке, физически он не ранен, – ответила она ему громко, затем положила руку на мой липкий от пота лоб. Прикрыла глаза, словно заглядывая в бездонную яму, а потом тихо добавила, чтобы не услышал доктор. – Симулируете, господин Ирмер-Куликов?

Собственно, она права. Магические силы почти полностью восстановились. Я это чувствовал. А вот со всем остальным было тяжело. Желания что-то делать не возникало никакого.

Однако доктору Варвара сказала совершенно другое.

– Еще очень слаб. Повезло, что отдал не всю силу, иначе лежал бы сейчас у нас на третьем этаже.

Доктор закивал, что-то спешно записывая. Но на секунду все же оторвался от бумаг.

– Сколько займет процесс восстановления?

– Кто же знает, Виктор Эммануилович, все очень индивидуально. То, что пациент в сознании, уже дает весьма оптимистичные прогнозы.

Доктор опять закивал, соглашаясь с подопечной. Хотя на самом деле еще непонятно было, кто тут главное – эта юная особа или недом, который только и мог, что осмотреть меня и записать что-то в бумажках.

– Виктор Эммануилович, Вы не оставите нас наедине? – попросила лекарь.

– Да, конечно, жду Вас внизу, Варвара Кузьминична. Нам еще три адреса обойти надо.

Когда дверь за ним закрылась, девушка присела на свободный стул. Даже это она сделала с некоторым изяществом.

– Вы удивительный человек, Николай Федорович, никогда подобного прежде не видела. Вы отдали часть своего дара сначала штабс-капитану, менее чем через несколько дней проделали то же самое с подполковником, а теперь практически полностью восстановились. И хорошо, что про штабс-капитана знаю только я. Иначе подобный факт очень заинтересовал бы соответствующее ведомство.

Я понимал, о чем она говорит. Мой дар – универсальная батарейка. Скольких коматозников, магически опустошенных людей я могу поднять на ноги? Практически весь госпиталь. Прознай об этом Император, меня бы посадили в какой-нибудь карцер и лишь изредка выпускали для прямых обязанностей.

– Хорошо, что у Вас хватило ума симулировать свое недомогание. В противном случае у многих возникли бы вопросы.

Я посмотрел на нее уставшим от жизни взглядом. Забавно, я ничего сегодня не делал, но никаких сил не было. Под этим взглядом Варвара Кузьминична вздрогнула, словно услышала что-то грубое в свой адрес.

– Понимаю, что Вам тяжело, – ее тон изменился. Из уверенного он стал каким-то заискивающим, что ли. – Четверо лицестов под Вашим руководством погибли. Но я слышала, что говорили остальные. Вы сделали все, что могли. Даже у их семей нет к Вам никаких претензий. Ведь это Разлом.

– Лицеисты и Будочник, – наконец заговорил я. И мой голос оказался намного ниже, чем обычно.

– От этого никто не застрахован. Случившееся с ним – трагедия для любого из нас. Но он сделал свой выбор. А нам надо жить дальше, Николай.

Она впервые назвала меня по имени. Произнесла его робко, неуверенно и тут же смутилась, чувствуя что переступила какую-то границу. Засуетилась, складывая разбросанные книги на прикроватном столике в стопку и все это время старалась не смотреть мне в глаза.

– Вы сказали, хорошо, что о штабс-капитане знаете только Вы.

– Да, именно так я и сказала, – набралась смелости Варвара Кузьминична и подняла глаза.

– Почему?

– Что за глупые вопросы? – раздраженно вздернула плечами она. – Вас бы затаскали по инстанциям. В нашем случае удастся удержать все в тайне.

– Вы меня не поняли, Варвара Кузьминична. Почему Вы не хотите рассказывать об этом?

– Просто, это... – начала девушка бодро, вот только посреди фразы вдруг смутилась. – Это... это непорядочно, в конце концов.

– Глупости, – ответил я спокойно, без всяких эмоций. – Я застенец, чужак, которого зачем-то приняли в ваш мир. Зачем – это еще большой вопрос. Вполне вероятно, чтобы забрать дар попозже, когда шумиха вокруг меня уляжется. Поэтому я и спрашиваю, почему Вы хотите помогать чужаку?

– Какой же Вы чужак? – скороговоркой выпалила Варвара. – Его Величество Вам и титул пожаловали. Да и в общем...

– Варвара Кузьминична, возможно я действительно не самый умный человек в этом городе. Но и идиотом меня делать не надо. Вопрос предельно простой – почему Вы меня выгораживаете?

– Может, потому что Вы мне нравитесь! – выпалила она, сердитая то ли на меня, заставившего выдать признание, то ли на себя, за подобные чувства. Правда, тут же попыталась выправить сказанное. – Само собой, как человек. Несмотря на дурное воспитание и фривольное поведение, в Вас достаточно много добродетелей, которые ценятся в приличном обществе.

– Ценятся обществом или Вами? – решил уточнить я.

– Пожалуй, на сегодня достаточно вопросов, – торопливо поднялась Варвара Кузьминична и почти бегом бросилась к двери. – Знаете ли, у нас обход еще не закончен. А Вы тут не единственный, кто пострадал из-за Разлома.

Правда, взявшись за ручку, она помедлила, после чего обернулась и озорно блеснув глазами, добавила.

– Пожалуй, я знаю, как вернуть в Вас жизнь. Николай, прошу Вас, приведите себя в порядок и ожидайте вечером гостей.

И застучала каблучками по лестнице, интриганка, чтоб ее.

Она ушла, а я, помедлив, все же сел на кровати. Не могу сказать, что приход Варвары полностью исцелил меня, но он точно добавил огня в моей душе. Всю жизнь пролежать так не я не смогу. Как бы ни хотелось. Все равно придется решать проблемы и жить с последствиями своих и чужих поступков.

– Илларион! – крикнул я.

Слуга, словно только и ждавший этого последние несколько дней, вихрем взлетел вверх.

– Воды нагрей. Надо помыться.

– Сию минуту, господин. Может, еще в трактир сбегать? Наш-то того, закрылся, хозяина убили. Придется теперь в соседний.

– Нет, не хочу, – честно признался я. Но подумал, что все же надо хоть что-то поесть. – Собери чего-нибудь из того, что есть. И чай крепкий завари обязательно. С сахаром.

Я поднялся, сделал махи руками, наклоны, приседания, а после отжался. Тело реагировало на физическую экзекуцию тяжело. Всего несколько дней пролежал, а мышцы ослабли. Представляю, каково там космонавтам при длительном полете.

Сам же все думал о Варваре. Значит, нравлюсь я ей. Не показалось, стало быть.

Я еще давно заметил одну небольшую особенность между пацанами и девчонками. Называлась она «первое впечатление». Стоило посмотреть на человека совсем недолго и сразу понимаешь – нравится он тебе или нет. Не знаю как у других, у меня это работало безотказно. Потому и зацепившись первый раз взглядами с Варварой, я подумал, что мы друг другу приглянулись. Как выясняется, не показалось.

Потому что если бы она и дальше корчила из себя ледяную королеву, то я бы бегать за ней не стал. И дело тут даже не в гордости. За всю жизнь тетя меня не сказала чтобы многому научила. Она все время пыталась заработать на хлеб, предоставляя меня самому себе. Однако одну ее фразу я запомнил дословно: «Любить надо тех, кто любит тебя. Да и себя, по возможности, любить хорошо бы».

Поэтому я искренне не понимал тех, кто хвастался, что «добивался» своей жены три года. Да ты ее не добился, просто она в итоге устала и сдалась. Будет ли счастлива семья, где один любит, а другой снисходительно принимает ухаживания как должное? Не знаю. Мне казалось, что не очень.

К слову, совет тетя дала дельный. Правда, сама им не воспользовалась. Наверное, потому что и себя не любила. А постоянно корила за смерть моих родителей. Внутри зачервоточила ностальгия по дому. Настоящему дому. Как там она? Сдержали ли слово разведчики? Ведь кроме меня за тетя Машей и присмотреть некому.

Подступившую тревогу и легкие депрессивные нотки разогнал появившийся Илларион с дымящимися ведрами воды. Обычно я мылся внизу, но ради такого случая (возвращения хозяина из царства теней) слуга даже притащил в мою комнату большую лохань.

Горячая вода смыла тревогу и боль последних дней. Пусть не до конца, но стало намного легче. А когда слуга, с хитрым прищуром, вылил на меня ведро холодной воды, я и вовсе окончательно вернулся к жизни. Правда, против своей воли.

– Илька, сын собачий, ты чего удумал?!

Мои ругательства слугу только порадовали.

– Как хозяин покойный говорите, – утер слезу тот, подавая одежду. – Прямо, слух радуется, господин. Ну что, теперь откушать изволите? У меня для такого дела и настойка даже есть.

– Давай без настойки. Крепкий чай и пожевать что-нибудь. Заодно Расскажи, что в городе происходит.

А происходило там многое. По словам Иллариона – это было сильнейшее нападение из Разломов на его памяти. И не только за время нахождения Здесь. Соответственно, потери среди граждан оказались велики, если не сказать больше.

Еще один неприятный сюрприз – никто не знал, что за твари на нас напали. В газетах писали, что псевдоежей определили к материальным сущностям низшего порядка. Переводя на русский с магического – с этой фигней мог справиться любой лицеист, худо-бедно разбирающийся в рядовых заклинаниях. Если бы эта материальная сущность низшего порядка была в количестве одной штуки, а не собиралась стаями.

Несмотря на кажущийся мне кабздец, город выстоял. Не пострадала Императорская семья, уцелели все высшие чины и сохранились департаменты. Даже многие недомы выжили по одной простой причине – после первого Погребального звона попрятались по подвалам домов, оставив недоежиков дежурившим на улицах патрулям.

Хотя настроение в Петербурге было, мягко говоря, подавленным. Как сказал Илларион, после перехода в этот мир, все первое время нарадоваться не могли. Все считали, что они сбежали от смертоносных существ. Живи и радуйся. Ведь здесь не было Разломов.

А последние Там случались все чаще и чаще. И как правило, в крупных городах, чем приводили военных в невероятное смятение. Ученые пришли к заключению, что иномирных тварей привлекает большое скопление людей. Я представил, что тогда случилось в Москве или Питере. Да той же моей Самаре, если здесь выброс из Разломов был такой силы.

И что еще интереснее – как отнесется та, человеческая власть, к появлению мерзких тварей? Я не был большим политиком, но мне почему-то казалось, что легче всего привязать псевдоежиков к магическому городу. Мол, это пришельцы засылают на нас всяких монстров. Ведь до появления иносов никакой фигни здесь не творилось. По мне, так логично.

Поэтому, если бы в стену прилетели какие-нибудь ракеты, боеголовки или бомбы (что еще там могло прилетать?), я бы вообще не удивился. Скорее даже наоборот. Посчитал должным. Поэтому с интересом ожидал, как станут развиваться теперь отношения между нами и ими. Правда, я еще не до конца определился, кто будет «ими», а кто «нами».

Короткий стук в дверь прервал мысли. Я недоуменно поднял голову на Иллариона, а потом, с запозданием, вспомнил о словах Варвары Кузьминичны. Она же грозила гостями, которые должны были вернуть меня к жизни.

Я дал знак слуге, чтобы тот сидел, и подошел сначала к окну, выглянув наружу через прозрачный тюль. Конвой вместе с подполковником там, где им и положено быть, в проулке. Интересно, как они будут себя вести, когда наступят заморозки. Неужели придется их впускать? Ладно, не о том все думаю. Главное, они не проворонили моего гостя. Значит, все в порядке.

На пороге стоял глубокий старик. Такой древний, что казалось, вот-вот развалится. Лет восемьдесят на вид, если не больше.

Верхняя часть лица скрыта фуражкой, натянутой почти по глаза. Нижняя испещрена глубокими морщинами, а под внушительным носом располагалась короткая щетка усов, которые незнакомец, по всей видимости, начал отращивать относительно недавно. Смотрел человек не на меня, а куда-то под ноги, словно что-то уронил.

Одет он был тоже небрежно. На сутулые плечи накинута какой-то засаленный гражданский мундир, ноги обуты в потертые сапоги, самым дорогим из атрибутов старика оказалась сбитая трость с набалдашником в виде льва. И чем эта развалина может вернуть меня к жизни? На красочном примере показать, что со мной станет через лет шестьдесят? Но вроде я и так был знаком с процессом старения. Что, интересно, Варвара Кузьминична там задумала?

– Добрый день, чем могу быть полезен?

Незнакомец повел себя в высшей степени по-хамски. Он отодвинул меня в сторону и вошел внутрь, даже не взглянув на Иллариона. Словно не ожидал никакого сопротивления от слуги. Впрочем, так и получилось. Вел себя гость нагло, по-дворянски. Вот Илька и заробел.

– Прошу прощения, чего Вы хотели? – кричал я в спину незнакомцу.

Но тот так же молча и неторопливо, при каждом шаге опираясь на трость, стал подниматься по лестнице, чем смутил меня окончательно. Это же за кардебалет такой? И почему Конвой пропустил его?

– Илларион, давай за казаками, – негромко сказал я, отправившись за незнакомцем наверх.

Тот решил выбрать конечной целью своего путешествия мою спальню. Нет, если гость захотел быстренько забежать в туалет, то ошибся этажом. Да и у нас тут, вроде, не «Макдональдс». С ощущением полного идиотизма от сложившейся ситуации, я пошел следом. И тут к горлу подступил ком, а сердце бешено забилося.

Гость сел на кресло напротив кровати, бросив фуражку на прикроватный столик и закинул ногу на ногу. Он достал дешевые сигареты и спички, после чего неторопливо прикурил. Только теперь я понял, что каждое движение, если смахнуть с него старческий тремор, кажется мне знакомым. Да и лицо, пусть и невероятно уставшее, старое, я знал. Этого не могло быть, но гость оказался им...

– Что стоишь, лицеист? – сказал тот голосом более скрипучим, чем у Будочника. Но я все же услышал родные интонации. – Присаживайся, поговорим.

Глава 3

Я, вроде, давал себе зарок ничему здесь не удивляться. Летающие огненные кони – подобное в порядке вещей. Прыткие ежи-людоеды из другого мира – обычный план для рядовой субботы. Крохотный старенький человек, способный одним заклинанием снести половину города – магическая скукота.

Но вот про воскрешение слышать не приходилось. В моем мире за подобное человека назвали сыном Божьим и начали ему поклоняться. На сына Божьего Будочник не тянул. Даже со спины. И в темноте. Издалека. А если бы недавнему учителю вдруг начали поклоняться, то я бы всерьез стал переживать за этот мир. Мало ему было своих проблем!

Однако Будочник, точнее, его старая версия, сидела теперь передо мной. Вполне живая, хотя, судя по внешнему виду, к этому вопросу можно будет вернуться через пару лет. Сейчас мой учитель крутил в шершавых пожелтевших от никотина пальцах сигарету и не без удовольствия следил за моим офигевшим видом.

– Как? – только и смог я выдать из себя.

– Лицеист, лицеист, время, конечно, ускорило свой бег, однако мы все равно еще не дожили до понимания подобной лаконичности.

Он говорил быстро, но при этом размеренно, словно утратив частичку своего безумия.

– Как ты выжил? – я даже не заметил, как перешел на «ты». – Я ведь видел, заклинание третьего ранга, истощение...

Я говорил обрывками фраз, невпопад, то и дело сбиваясь с мысли. А старик молча курил с печальной полуулыбкой на лице. Он медленно потянулся к карману и вытащил длинную цепочку с оплавленным на конце амулетом. Когда-то там был драгоценный камень, но теперь от него остался лишь выгоревший остов, напоминавший кусок угля.

– Старый прием с исчерпыванием силы до дна, – сказал он. – До полного. Без возможности восстановления. Но ты хотя бы остаешься жив и здоров, если это можно так назвать. Редкий амулет, очень редкий.

– Получается... Ты... Вы, теперь не маг?

– Именно, лицеист, за все надо платить. В том числе за свои старые долги.

– А откуда у Вас этот амулет, если он такой уж редкий?

– Старый приятель одолжил, – горько усмехнулся Будочник.

А мне вдруг вспомнились слова Варвары: «Случившееся с ним – трагедия для любого из нас». Под «нами» девушка имела в виду не людей, а магов. Она думала, что я так сильно убиваюсь из-за того, что Будочник истощился.

– Я очень... рад.

– Лицеист, это весьма грубо – радоваться окончанию магической карьеры человека, – с неким укором ответил Будочник. – Пусть и такого, как я.

– Нет, я не про то...

Меня прервал топот сапог на лестнице, после чего в комнату ворвался подполковник Черевин. Вид у Алексея Антоновича был не просто встревоженный, а такой, словно его оставили на карауле, а он проспал целую войну. Казак непонимающим взглядом обвел меня и Будочника, после чего все же спросил:

– Николай Федорович, у Вас все в порядке?

Блин, я же сам отправил Иллариона за охраной! С другой стороны, а какие были варианты?

– Да, да, просто, возникло небольшое недопонимание, Ваше Высокоблагородие.

Черевин кивнул мне, после чего посмотрел на Будочника и повторил движение. Только на этот раз сомкнул каблуки и вытянулся в струнку. Подполковник не произнес ни слова, однако

в каждой частичке его тела чувствовалось глубокое уважение к моему учителю. М-да уж, день откровений.

Если сейчас сюда войдет Император, объявит, что Будочник его родной брат, которого похитили в детстве, а после они пустятся в страстный индийский танец, я даже бровью не поведу.

– Лицеист, открой окна, – приказал Будочник, прикуривая еще одну сигарету. – Тут у тебя дурно пахнет.

– Табаком и пахнет, – отмахнулся я, но все же пошел выполнять поручение. Было в тоне гостя нечто подобное, с чем решительно невозможно спорить.

– Нет, у тебя в спальне пахнет тяжело больным человеком. Надеюсь, к тебе не приходили гости?

Только теперь до меня дошло, какая тут сейчас вонь. Несколько дней не мылся и ходил в судно, которое по-прежнему стояло под кроватью. Я-то уже принялся, свои фикалии, как известно, не пахнут, но можно представить, какое неизгладимое впечатление произвел на Варвару. А ведь она и бровью не повела.

– И что теперь? – спросил я, распахивая окно.

– Лицеист, попробуй разговаривать так, чтобы тебя понимали. Это очень сильно поможет в жизни.

– Я к тому, что Вы теперь будете делать?

– А что изменилось? – закашлялся Будочник. – Я лишен магии, но по-прежнему могу тебя обучать.

– Но Вы... – я замаялся, не зная, как бы помягче это сказать.

– Старая развалина, так, лицеист? – рассмеялся мой гость. – Ну, знаешь, для семидесяти восьми я выгляжу довольно неплохо. Не беспокойся, пока я могу обслуживать себя. Как только перестану, сразу скажу тебе. Ведь ты ловко обращаешься с суднами, я правильно понял?

Он ткнул тростью мне под кровать, заставляя в очередной раз краснеть. Будочник решил, что на этом нашу встречу можно подводить к концу. Он тяжело поднялся, медленно направившись к выходу. Да, никакой былой порывистости и резвости теперь в нем не осталось.

– И когда мы продолжим? – спросил я вслед.

– Когда я сочту нужным, – бросил тот, даже не оборачиваясь. – Пока ты не готов. Занимайся своими глупыми делами: ходи в лицей, играй в футбол. Скоро твоя привычная жизнь изменится.

Ну да, чего я еще ожидал? Будочник как кот, уходит и приходит, когда захочет. И, кстати, жизнью у него примерно столько же. Будем надеяться.

Сказать по правде, у меня словно камень с души упал. Наверное, я какой-то неправильный, но мне было абсолютно плевать на магию. Скорее всего, потому что она у меня относительно недавно. Поэтому какая разница – есть у Будочника магия или нет? Да, без нее тело начнет стремительно разрушаться. Иными словами, мой учитель станет обычным человеком, в данном случае старым. Вернее, уже стал. Но, что самое важное – он до сих пор был жив. А разве не это главное?

Правда, меня смущало несколько моментов. К примеру, Будочник заявился днем, на глазах у Конвоя. И те, между прочим, его пропустили. Из-за того, что мой учитель спас всем казакам жизнь? Нет, вряд ли это могло стать достаточно веской причиной. У Черевина что самое главное? Приказ. А уже потом все остальное.

Я в очередной раз проспал что-то важное. Будочник явно не так прост. И какое-то влияние на Императора имеет. Или у учителя невероятно сильный покровитель. Сказал, и сам чуть не рассмеялся. Покровитель? У Будочника? Стал бы он столько лет ютиться в той лачуге и жить как бомж?

В общем, все это было очень уж странно. А мне всегда не нравилось то, что я не понимал.

Но Будочник напомнил еще одну важную вещь – футбол. Точнее, товарищеский матч, который должен был состояться завтра, если память мне не изменяет. Неясно, не решил ли его отменить Шелия. Все-таки, город еще не оправился после серьезного нападения чудовищ. С другой стороны, он вроде и писем никаких по этому поводу не присылал. А для аристократа дать заднюю без предварительного предупреждения – смерти подобно.

Эх, тяжело без телефонов. Сейчас бы написать: «Серег, привет, че там по поводу завтрашнего матча?». И все дела.

Я вспомнил одно подходящее заклинание из книжек. Само собой, не из самоучителя. Недавно нашел его в «Перечне необходимого для юного дворянина-мага». Называется Эгрегор и относится к шестому рангу. Вроде как ты создаешь некую духовную сущность возле нужного человека, которая может с ним общаться.

Правда, я не понял сразу несколько моментов. К примеру, как маг должен получить «входящий»? Вот если та же Дмитриева седьмого ранга, я могу до посинения кастовать на нее Эгрегора. Или это лишь голосовое сообщение без возможности ответить? К тому же, шестой ранг. В очередной раз палить свои способности не хотелось. Ну и ко всему прочему существует один важный нюанс. Шелия – не дом.

Но проверить нужно. Поэтому я спустился вниз, где нашел слугу.

– Илларион, ты знаешь, где живут князя Шелия?

– Как не знать, чай, не последние люди в городе. Недалеко тут, можно пешком дойти.

Я немного подумал и покачал головой.

– Нет, пешком не пойдет. Давай, лови извозчика, надо съездить.

За время, пока я отсутствовал по уважительным причинам (на самом деле ни разу не уважительным), город успели прибрать, хотя следы нашествия псевдоежей все равно были заметны. По пустым рамам, в которые еще не вставили стекла, глубоким отметидам от острых когтей на штукатурке стен и дверях, погнутым фонарям, высоким пням, оставшимся от молодых деревьев, темным пятнам на мостовой, которые так и не смогли очистить.

По Петербургу прошла настоящая лавина, сметая все на своем пути. И хорошо, что большинству посчастливилось эту лавину пережить.

– Коля! – услышал я знакомый голос, мотнул головой и приказал возчику остановиться.

На тротуаре мостовой стояла Дмитриева, облаченная не в лицейский мундир, а пышное платье, скорее всего с корсетом, по последней моде, и накинутом сверху манто. Все-таки, для конца сентября на улице стало заметно свежо. И надо отметить, что Лиза в платье была чудо как хороша. Платье подчеркивало ее дворянскую осанку и бедра, делая последние более пышными.

Рядом с девушкой в похожем наряде стояла мать. Это заключение я сделал хотя бы по тому, что Дмитриева была почти ее полной копией. С другой стороны замер улыбочивый толстячок в дорогом костюме, который с интересом разглядывал мой конвой. Мне почему-то сразу стало ясно, кто в этой семье главный. И догадка тут же подтвердилась.

– Елизавета! – зашипела мать, краснея, по всей видимости, от неподобающего поведения своей дочери. Еще бы, окликать мужика посреди дороги.

Я уже остановился, собственноручно слез с пролетки, наказав Иллариону ждать. И приблизился к ожидающим меня с некоторым любопытством Дмитриевым...

– Николай Федорович, – сделала легкий реверанс девушка. – Рада видеть Вас в добром здравии.

– Елизавета Павловна, – поклонился я. – Хочу ответить Вам взаимностью. Позвольте полюбопытствовать, что за прекрасные люди Вас сопровождают? Ваши брат и сестра?

Комплимент старый, как испражнения мамонта. И такой же неуклюжий. Вот отец Лизы неумелый заход просек сразу. Улыбнулся уголком рта, впрочем, не сказал ни слова. Зато мать зарделась как маков цвет. Ну да, для женщины главной похвалой является несоответствие ее возрасту. Даже если это неправда.

– Нет, это мои мамá и папá, – ударение она сделала на последних слогах.

Вот забавно, сколько уже времени прошло, а эта французская мода не ушла. Яти и еры она благополучно похоронила, пусть и намного позже, чем наши большевики. А ударение на последний слог в магическом русском языке напротив, лишь укрепилось.

Лиза представила родителей по именам, которые я тут же счел за нужное благополучно выбросить из головы. Все равно не запомню. А потом посыпались комплименты в ответку.

– Вы, наверное, и есть тот знаменитый Ирмер-Куликов, который учится с Елизаветой?

– Мы наслышаны о Вашем потрясающем командовании при последних Разломах.

– Правда, что Ваши спортивные состязания заменят в будущем Ристалище?

– Мы глубоко благодарны за то, что Вы работаете с нашей дочерью над развитием дара.

Я даже ответить ничего не успевал. Собственно, судя по тому, что новый вопрос Лизиной мамá звучал сразу же, как заканчивался предыдущий, ответы ей и не требовались. Отец девушки лишь дарил мне комплименты, без всяких вопросов.

– Мамá, папá, прекратите смущать Николая Федоровича, – вступилась наконец за меня Лиза. На мой взгляд, могла бы и пораньше. – Нам надо идти по магазинам. Всего хорошего, встретимся в лицее.

Она сделала реверанс, затем решительно пошла вперед. Родители попрощавшись последовали за ней. Неожиданно девушка остановилась и даже громче, чем того требовалось, обратилась к сопровождающим.

– Брошь выпала. Я сейчас.

Дмитриева, быстро семеня ножками, вернулась обратно, разглядывая что-то на тротуаре, и наклонилась как раз возле меня, будто поднимая что-то. Надо ли говорить, что брошь и до этого была у нее в руке?

– Рада, что ты в порядке. Куда собрался? – шепнула она.

– Заглянуть к Шелии, а потом к своим футболистам.

– Мы будем, – коротко бросила Дмитриева и вернулась к родителям, показывая брошь.

Дом Шелия (если к этому огромному зданию можно было применить характеристику «дом») оказался в самом центре, в нескольких минутах езды от набережной. С личным садом, фонтаном с карапузами-ангелами и суровыми атлантами на лепнине. Прямо цыганская роскошь. Собственно, я ничего другого и не ожидал. И совсем не удивился, когда дверь широкого, будто поднявшегося на дрожжах и разошедшегося в стороны особняка, открыл слуга в ливрее. Жаль, что не с золотыми зубами, чтобы лишний раз подчеркнуть, как много у хозяев денег.

– Добрый день, я к Сергею Михайловичу Шелии. Господин Ирмер-Куликов.

– Прошу Вас, – пропустил меня слуга. – Сейчас доложу Его Светлости.

Что интересно, Черевин даже не попытался проникнуть внутрь вместе со мной. Видимо, считал, здесь мне ничто не угрожает. Что-то это, явно, значит. Вот только когда я оказался в особняке, спокойнее мне не стало. Напротив, накатило ужасное чувство несоответствия себя подобной обстановке.

Если коротко, то создавалось ощущение, что внутри взорвалась начиненная золотом граната. Зеркала, столы, стулья, шкафы, даже корешки книг, все было либо золотым, либо позолоченным. И тут, посреди этого великолепия, оказался непонятный граф в непонятном мундире.

Я сделал огромное усилие над собой, подошел к длинному дивану на кривых ногах и присел на краешек. Привыкай, Кулик, если намерен чего-то здесь добиться, то придется общаться не только с простолюдинами. Но и вот с такими пупами земли. И все же, сколько мне дадут ростовщики, если отколупать кусок рамы с зеркала?

Гнусные мысли развеял появившийся Шелия, хитро сощурившись при виде меня. Не ожидал? Я бы и сам не пришел сюда, была б моя воля.

– Приветствую Вас, Николай Федорович, – кивнул Шелия и протянул руку. – Рад, что Вы пережили этот ужас.

- Взаимно, Сергей Михайлович. – Забавно, но рукопожатие у князя оказалось крепким.
- Чем могу быть полезен?
- Я по поводу нашего товарищеского матча...
- Решили его отменить? – хищно блеснули глаза Шелии, словно я хотел смертельно обидеть князя.

– Что Вы, наоборот. Хотел убедиться в неизменности Ваших намерений.

– Все в силе. И место, и время. Если Вам так будет угодно.

– Будет, – кивнул я. – Ну тогда, наверное, это все. Прошу прощения, что побеспокоил.

– Ничего страшного, – улыбнулся Шелия, но что-то недоброе было в его взгляде.

Князь лично проводил меня до двери, и когда я уже почти дошел до пролетки, все же сказал:

– Николай Федорович, Ваше поведение делает Вам честь.

– Разве? – обернулся я.

– Согласиться на матч после того, что случилось с Вашей командой, довольно непросто.

Я расскажу всем своим друзьям о Вашем характере. Будьте покойны, завтра на матче состоится аншлаг.

И закрыл дверь, оставив меня в полном офигевании от услышанного. Чего это еще случилось с командой? Стоял я, наверное минуту, а затем рывком бросился в пролетку и назвал нужный адрес.

– Быстро доедешь, десятку сверху дам, – сказал я извозчику.

– Господин, – жалобно взмолился Илларион.

Я лишь отмахнулся от него. Не время считать деньги, когда случилось такое. Это точно не Фима. Он приходил справляться о моем здоровье. Тогда кто?

За короткое время эти ребята не сказать чтобы стали моими лучшими друзьями. Но чем-то родным и привычным – точно. Я жалел себя, скорбел о погибших под моим руководством лицеистов, но как-то не взял в голову, что могли пострадать и недомы. А ведь они наиболее беззащитны перед Разломами.

По промерзшей земле парка я бежал, как оглашенный, оступаясь и чуть не падая. Так быстро, что заставил Конвой спешиться и двигаться в таком же ритме. И когда выбрался на поляну, где мы обычно играли в футбол, сердце екнуло. Ребята были. Вот только оказалось их гораздо меньше, всего человек десять.

Счастливый Фима направился ко мне, но я приблизился еще быстрее. Схватил нападающего за плечи и тряхнул, словно это он был виноват в случившемся.

– Кто?

Глава 4

Погибли двое: Пашка-Пузырь и Витька Чекуша.

Витя – наш изначальный защитник, которого я передвинул в опорную зону, где от него было больше толку. Кличку он получил из-за своего места жительства. Чекушами¹ называли район на юге Васильевского острова. Наверное, самое бедное и мерзкое место в Петербурге. Я пару раз проезжал мимо него, и от запаха мокрой кожи (там находилось много различных мастерских, кожевенных в том числе) к горлу подступала тошнота.

Добираться Витьке приходилось дальше остальных, но он не пропускал ни одной тренировки. Да и попал в команду с первого отбора, как самый цепкий из всех прочих ребят. Пусть и техники у него почти не было, но он брал старательностью и трудолюбием. Такие всегда в футболе задерживаются.

Пузырь был ни много ни мало, а вратарем. Той самой половиной команды, без которой нельзя играть. И теперь мне окончательно стало ясно, о чем сказал Шелия.

– Форму у родителей Витьки и Пашки мы забрали, она у меня, – продолжил Фима. – Но подходящих ребят на их позиции пока не нашли. Как видишь, не все тренируются. Думали, ты забросишь идею с командой после всего.

У меня глаза на лоб полезли от заявления Фимы. Я даже представить подобного не смог. Прийти в семью, где убили пацанов и заявить, что, дескать, там одежонка от них осталась. Будьте, как говорится, любезны.

– Че не так, Вашблагородие? – насупился нападающий.

Он всегда, когда чувствовал какое-то напряжение, начинал немного отстраняться этим Вашблагородием.

– Что значит, забрали форму? – произнес медленно, по словам, я.

– Она им все равно ни к чему, – пожал плечами нападающий. – А мы, может, кого-то еще найдем. Хотя до завтра – уж вряд ли. На позицию Витьки если и подтянуть кого, то с воротами что делать?

– Фима, ты совсем охренел?! Нельзя же такой бездушной скотиной быть! Твои друзья погибли!

Он посмотрел на меня пристально, долго, оценивающе, после чего стал говорить. Медленно, но при этом довольно складно. Словно эту речь готовил загодя.

– А что мне, Вашблагородие, плакать каждый раз, когда из Разломов приходят твари и убивают нас? Раньше плакал. Когда брата-трехлетку зашибли монстры. И после, когда тетку родную шерши на глазах порвали, а мать от сердечной болезни из-за этого сгорела. Мы же недомы, не маги, чего нас жалеть. Вот и нам жалеть никого не нужно. Отплакал я свое, Вашблагородие, отгоревал. Сегодня Витька, завтра я. Так и живем, покуда Господь позволяет.

Признаться, мне нечего было ему ответить. С этой точки зрения я на ситуацию не смотрел. Фима действительно, наверное, видел не одну смерть, при этом не сказать чтобы его душа совсем очерствела. Но к смерти этот простолюдин теперь имел вполне простое и определенное отношение. Будто бы жил займы и был готов, что в любой момент его заставят вернуть долг.

Это я не привык к подобному. Все-таки у нас там, век гуманизма, жизнь человека – высшая ценность, и все такое. А теперь как столкнулся с реальным миром, так поплыл. Депрессия, видите ли. Жить не хочется. Тут многим хочется, да возможности нет.

– Сколько говорил, что никакое я не Благородие, – только и нашелся, что ответить я.

– Договорились, Коля, – легко сменил гнев на милость Фима. – Так что делать будем?

¹ Название Чекуши пошло от колотушек («чекуш»), которыми раньше разбивали размокшую муку. Сама мука хранилась на складах именно в этом районе.

– Что будем делать? – пожал плечами я. – Матч отменять.

Фима скривился.

– Я на ворота могу встать. Велика наука, – фыркнул он. – Лови, и все.

– Миша, дай сюда мяч! – попросил я одного из футболистов. Те все равно уже не тренировались, а лишь следили за нашим разговором. Словно от него что-то зависело. – А ты вставай в раму, – сказал я Фиме. – В смысле, между деревьев.

Сам же отошел, даже не на одиннадцать, а метров на двадцать. Поднял руку, пальцем показав, куда буду бить, разбежался и вколотил гол на уровне головы Фимы. Тот с досады лишь кулаками по земле ударил.

– Это я еще плохо пробил, – подошел я к нему. – Теперь ты понимаешь, что без вратаря нам никуда. Сейчас поеду отменять. Говна, конечно, нахлебаюсь. Но тут ничего не сделаешь. Да и правильно так будет.

– Правильнее было бы победить этих дворянских выскочек ради пацанов.

Фима подобрал мяч и пнул его изо всех сил. С меткостью у него всегда были проблемы. Наш нападающий подсознательно считал Кержакова своим кумиром, пусть и не знал, кто это такой. Но заветам кингисеппского форварда следовал, поэтому мог промахнуться с двух метров. Однако сейчас, как назло, снаряд нашел себе цель.

Еще до того, как мяч начал снижаться, я догадался, куда он упадет. За пределы нашей поляны. И все бы хорошо, вот только именно в этот момент там появилась моя знакомая троица: Дмитриева в платье и манто, Горчаков в гражданской одежде и Протопопов в мундире. Последний все время носил лицейскую форму по той же причине, что и я – лучшей у него не было.

Все, что я успел сделать – крикнуть «Берегись». Горчаков с прытью испуганной антилопы бросился в кусты, слишком превратно поняв мои слова. Протопопов застыл, как истукан, а вот Лиза сделала то, чего я совершенно от нее не ожидал. Она шагнула вперед, быстро подняла руки и... поймала мяч. Намертво зафиксировала.

Сказать, что я обалдел – не сказать ничего. Да и сам Фима удивленно присвистнул, выражая в этом звуке все свое восхищение.

Елизавета Павловна постояла так еще какое-то время, напоминая сюрреалистическую картину. Дама из высшего общества, в платье, манто, тонких кожаных перчатках держала в руках коричневый мяч.

Дмитриева пошла дальше, решив, видимо, впечатлить нас еще больше. Подкинула мяч и попыталась пнуть его. Тут все очарование и прошло. Потому что сейчас девушка больше походила на пьяного соседа, который решил подать играющим пацанам вылетевший мяч. Точность у Лизы оказалась такая же. Но у меня все равно родилось сумасшедшее предложение, за которое все мои хорошие отношения с родителями девушки точно сойдут на нет.

Я подошел к троице, пожав каждому из друзей руку (Протопопов даже обнял меня – у простолюдинов все было проще и душевнее), а потом взял за локоток Дмитриеву.

– Елизавета Павловна, можно Вас на пару слов?

– Можно, – улыбнулась она.

– А ты где так научилась мячи ловить?

Лиза обернулась, а потом сказала тихо, боясь, что ее кто-то услышит.

– У нас дворовые в лапту играли. И девчонок тоже брали. Вот и я, когда родители не видели, сбегала к ним. Интересно ведь. Там труднее, мяч меньше. А здесь вон он какой большой. Чего не поймать-то?

– Елизавета Павловна, – у меня сердце забилось так часто, словно я предложение ей делал. – А будешь нашим вратарем?

– Коля, – она даже на месте остановилась. – Я же... девушка.

Тут я понял, что убедить ее будет проще простого. Пусть и придется прибегнуть к подлой манипуляции.

– И что? У вас же не так давно, вроде, уравнили женщин в правах с мужчинами. Или ты боишься, что не справишься? Тогда да...

– Чего это я не справлюсь? – нахмурилась Лиза. – Показывай, давай, что там надо делать?

Я лишь усмехнулся. Да, это было немного подло, сыграть на слабости моей дворянской подруги. Она всю жизнь пыталась продемонстрировать, что ничем не хуже мужчин. К слову, определенная правда в этом была. Физическую муштру фельдфебеля Лиза переносила намного лучше, чем тот же Горчаков и прочие дрыщи.

Конечно, я не стал говорить ей, что между женским футболом и мужским гигантская пропасть. Я не шовинист, но это действительно так. Вспомнилось, как пятнадцатилетние пацаны обыграли женскую сборную Австралии. А ведь та входила в пятерку лучших.

Правда, тут было несколько «но». Ростом и спортивной статью Бог Лизу не обидел. Бегать она особо не будет. Да, существовали рискованные моменты, такие, как выход из ворот и толчки нападающих. Но тут уж что-нибудь придумаем. Вратарскую позицию как-то надо затыкать. А других кандидатов у меня нет. Но все же я тороплюсь, нужно еще было кое-что проверить.

– Фима, Пашкины перчатки у тебя, говоришь?

– У меня. А зачем...

Нападающий перевел взгляд на роскошную Елизавету Павловну в платье, и его лицо вытянулось от удивления. Он даже попытался палец поднять, чтобы указать в ее сторону, но вовремя опомнился.

– Сбегай, принеси, только быстро. И к мелкому Никитке зайди, латералю нашему недоделанному, пусть всех отсутствующих обежит.

Между тем к нам приблизилась вся команда, чувствуя, что здесь происходит нечто интересное. А я тем временем объяснял Лизе азы. Про футбольные правила, и в частности, про задачу и основные требования к вратарю.

По идее, мозг девушки должен был закипеть минут через пятнадцать. Если бы на меня, к примеру, вывалили правила незнакомого вида спорта, еще заставив все повторить, я бы точно с ума сошел. С другой стороны, Елизавета Павловна и объективнее поумней меня была.

К моменту, когда вернулся Фима, неся вратарскую форму Пашки-Пузыря и перчатки, девушка уже сбросила мантию и ловила мячи, которые я отправлял ей ударом ноги с небольшого расстояния. Несильно, по центру. И ловила их Лиза чуть-чуть угловато, все-таки, откуда у нее техника? Нашему Ибре она и в подметки не годилась. Но где теперь взять Ибру?

Перчатки оказались ей немного велики, зато мы защитили пальцы. Я отошел подальше и стал бить уже с земли. Чуть сильнее, и не всегда по центру. Лиза пропустила несколько мячей, после чего ее спокойное, холодное лицо изменилось. На щеках появился румянец, из аккуратно убранный прически выбились пряди волос. И надо сказать, что так она стала намного привлекательней.

И даже отбивать начала. Пусть где-то ей везло, зато в других моментах выручала реакция. Лиза старательно тянулась за мячом, правда, тут же падала как куль с мукой. Обязательно сжималась, пытаясь как-то сгруппироваться. Ну да, это от недостатка опыта. У нас Ибра тоже не сразу научился на бедро падать и вытягиваться в струну. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Но в целом у Лизы оказалось много качеств, которые очень хорошо подходили воротчику – реакция, хладнокровие и кураж. Стоило ей потащить пару мячей, как остальные удары, словно заговоренные, уже летели в нее. Я даже пошутил, что лишь бы все везение она сегодня не потратила.

Постепенно и моя команда стала радостно кричать, когда девушка отбивала новый удар. А после произошло и вовсе удивительное. К точке подошел Фима и попросил «пробить барышне». И когда Лиза кончинками пальцев вытащила мяч, команда взорвалась аплодисментами, криками и свистом. А пристыженный Фима пошел пятнами.

– На сегодня все, – сказал я, а сам подошел к девушке. – Елизавета Павловна, форму возьмете с собой. Но что-то мне подсказывают, что Ваши папенька и маменька меня убьют.

И было за что. Прекрасное платье девушки стало неопределенного цвета и теперь больше годилось в половые тряпки. Елизавета легкомысленно отмахнулась.

– Папа́ против меня и слова не скажет. Матери же нужно просто на глаза не попасться.

– Ну, дай-то Бог, если так. Завтра игра. Илларион, поди сюда.

Все это время слуга стоял неподалеку от Конвоя, честно не совсем понимая, что он делает на этом празднике жизни.

– Сколько у нас денег осталось?

– Рублей триста с копейками, господин, – напрягся собеседник.

– Возьми адреса у Фимы, отвези по сто рублей родителям Пашки и Вити.

– Господин! – с нажимом сказал Илларион.

– И не спорь. Не обеднеем. Отвезешь, а потом домой иди.

– Вы ж куда собрались? Скоро темнеть начнет.

– До кьярда надо доехать. На душе как-то нехорошо.

Это ощущение появилось буквально только что. Причем, родилось из ниоткуда. Наверное, так просыпаются родители посреди ночи, когда их дети попадают в аварию.

По дороге к Хромому мне все время хотелось подгонять извозчика, будто мы могли не успеть. И предчувствие не обмануло. От конюшен шел густой дым, а снаружи бегал, если это можно так называть, Мишка Хромой.

– Погубил ты меня, Вашблагородие, погубил, – с обидой сказал он, заметив меня. – Взбеленился твой конь. Ведь все время смирно стоял, а теперь вон чего надумал.

Черевин только спрыгнул с пролетки, даже успел махнуть рукой и крикнуть что-то предостерегающе грозное, но я уже решительно вошел в занимающуюся огнем конюшню.

Васька в стойле хрипел и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. По его спине и гриве бегали языки пламени, перекидываясь на солому и дерево. И что самое удивительное, я был уверен – огонь не причинит ему никакого вреда.

И вспомнил, о чем меня предупреждали. Кьярды очень темпераментные и своенравные создания. Что мне Васька всю дорогу и демонстрировал. Я даже мог объяснить, что именно произошло сегодня.

Правильно Миша Хромой говорил – мы связаны. И с каждым днем связь лишь крепнет. Все это время, пока я лежал в своей спальне, Васька с пониманием относился к хандре хозяина. Мол, с кем не бывает. Но стоило мне прийти в себя, выйти наружу и... заняться своими делами, вот тут он уже начал обижаться. И в лучших традициях создания из другого мира стал творить фигню. Круши, ломай – мы здесь проездом.

– Васька, я знаю, что не прав, – сказал, точнее прокашлял я от сильного дыма. – Надо было сегодня пораньше приехать к тебе. До этого проклятого Шелии. Но видишь, как все получилось.

Мои оправдания на кьярда не подействовали. Что ж, значит, он тоже воспринимает хорошее отношение за слабость. С ним надо, как с собакой. Воспитывать, дрессировать и указывать место.

У тети лет шесть назад был на передержке полгода лабрадор Тиша. Умный мальчик, который все понимал с полуслова. В том числе кто в семье может дать тапком по хитрой морде, а кто будет жалеть, даже когда ты получил за дело. Так-то оно так, зато меня Тиша воспринимал как хозяина, а тетю Машу – как члена семьи, чьи интересы можно игнорировать.

– Васька, но ты тоже не прав. Зачем понадобилось это устраивать?

Конь замер, нагло глядя на меня, но огонь продолжал плясать по нему. Угу, в гляделки играем. Кто кого переглядит.

– Потуши, – мой тон изменился. Из участливого и ласкового он стал холодным и отстраненным.

Этот мерзавец в ответ лишь фыркнул. Угу, я тебя услышал, засранец.

Форма заклинания была странной и неожиданной для меня самого. Хотя бы потому, что ничего подобного в книгах я не встречал. Можно сказать, что именно сейчас я импровизировал.

К примеру, основой для формы послужил Паралич. Но тут же на него уместно, как мне показалось, легло Ослепление, а позже добавилось и Проклятие. Что забавно, я сам не понимал, что хочу сделать и какого эффекта добиться. Лишь перекачивал силу в странное гибридное заклинание. Но что интереснее всего – у меня получилось.

– Прош-ш-шу, хоз-з-зяин, прекрати, – услышал я знакомый голос в голове.

Угу, значит, с тобой нужно разговаривать лишь с позиции силы? Понял, принял.

Но форму я разрушил, повторив свой приказ.

– Потуши.

Васька посмотрел на меня исподлобья. Ну натуральный осел, а не волшебный конь. Зато в следующее мгновение меня сбило с ног потоком сильного ветра. И нет, это было не нападение и не попытка сравнять счет. Потому что от огня не осталось и следа, разве что кое-где виднелись тлеющие угольки. Именно таким образом кьярд решил выполнить мой приказ.

– И запомни, еще раз отпустишь такие штучки, начну наказывать. Наказывать очень жестко. Сам не рад будешь. Это я тебе обещаю.

Я замолчал, услышав приближающиеся шаги снаружи. Черевин буквально влетел внутрь, схватив меня за плечо. Видимо, собирался в очередной раз спасти. Только опять запоздал с этим.

– Не стоит, Ваше Высокоблагородие. Мой питомец уже признал свои ошибки и сам потушил пожар. Теперь нам ничто не угрожает.

А то еще, чего доброго, подумает, что это истощенный маг приложил к этому руку. Правда, стоило сказать про «не угрожает», как дальний край крыши затрещал и осел. А я лишь тяжело вздохнул. Что, получается, мне теперь надо еще строить новую конюшню Мише Хромому?

Глава 5

Вечер следующего дня наступил быстрее, чем я ожидал. По закону подлости так всегда и происходит. Если ты чего-то ждешь, то время начинает походить на сонную муху в жаркую погоду. И напротив. Самые неприятные события, как бы ты ни старался их отсрочить, бегут за тобой, наступая на пятки.

Весь день я пытался надыхаться перед смертью. То есть научить Елизавету Павловну всему, что знал о вратарской науке, одновременно понимая бесполезность этого занятия. Развитие в футболе происходит через практику. А именно ее у девушки и не было. Я уже даже начал думать, не погорячился ли? Может, стоило самому встать в ворота?

Но в любом случае, отступать было поздно. Поэтому к шести часам вечера команда «Петербургские крылья» стала стекаться к «Неве» на Малом проспекте. К слову, для местных – вполне передовой арене, вместимостью в три-четыре тысячи человек. Даже не буду прикидывать, во сколько Шелии обошлась аренда.

И что еще немаловажно, трибуны были заполнены. Понятно, что не битком, все-таки до аншлага оказалось далеко. Но несколько сотен зрителей здесь точно было. Большую часть составляли дворяне, однако среди простолюдинов (в основном пацанов), я рассмотрел еще одного занятного персонажа – отца Фимы. Нападающему я говорить не стал, тот и так был немного пришиблен атмосферой предстоящего поединка. Впрочем, как и остальные пацаны.

– Собираемся в раздевалке.

– Коля, – выбежал навстречу мелкий Никитка. – Там эта... барышня, которая вратарь. Ну, того, переодевается.

– Тогда собираемся возле раздевалки, давайте, шустрее, шустрее.

Когда к нам вышла Лиза, я не знал, смеяться или плакать. Одежда Пашки-пузыря была ей заметно велика. Пришлось на ходу подвязывать спортивные шорты веревкой и закатывать рукава. Волосы девушка предусмотрительно убрала в хвост и спрятала под футболку. Я же купил кепку а-ля Яшин и нахлобучил ей на голову. Если смотреть издали, то просто худой пацан. На наше счастье, большой грудью Елизавета Павловна похвастаться не могла.

Кстати, когда я писал заявку на матч, то под первым номером написал «Дмитриев». Лишь потом сделал крохотную закорючку в виде «а», больше похожую на кляксу. Так, чтобы точно сохранить эффект неожиданности.

Пацаны переодевались без всякого стеснения. Они сейчас были больше заняты матчем, чем думами о том, как выглядят перед единственной девушкой. И я их понимал. Поэтому, когда все оказались готовы, собрал на итоговый разговор.

– Вы все знаете, что делать. Играем в свой футбол, не смотрим ни на кого. Какой бы счет ни был. Главное – боремся за каждый мяч. Если кто-то из наших провалился, то подстраховываем. Мы – команда в процессе становления. Что, удивим благородных? – подмигнул я Фиме.

Тот расплылся в улыбке.

– Удивим, Коля.

– В футболе есть один закон...

– Крылья новый чемпион! – громом ответила мне раздевалка.

И пусть в оригинале имелись в виду крылья Самарские, но кто тут будет проверять?

– Господа, выходим на построение, – постучался в нашу дверь судья.

– Ну все, мужики... и вратарь, погнажи.

Я еще раз осмотрел свою команду. Именно что команду, собранную, сосредоточенную, с черными траурными повязками на руках. Не столько из-за массовых Разломов, сколько из-за погибших товарищей. И махнул рукой, зацокав бутсами по деревянному полу.

Волновался ли я? Еще как. Вообще-то сегодня я возвращался в футбол. Причем антураж был соответствующий. Гомон зрителей, скрип трибун, запах свежей травы. Не знаю, что больше заставило дрожать – окружающая обстановка или вечерняя свежесть. Все-таки через несколько дней октябрь. А затянувшееся бабье лето постепенно отдавало власть подступающей холодной осени.

Противник оказался облачен в красивую черную форму с белым кантом на шортах и рукавах. У каждого на шортах спереди был вышит номер. На спине он уже дублировался, но в увеличенном размере. А над ним красовалась фамилия.

Если нас сравнивать, то создавалось ощущение, что профи вышли играть с какой-нибудь командой местного завода. Ну да ладно, форма не главное. Важно, что под ней.

– Капитаны, будьте добры, подойдите ко мне, сказал высокий худой, как жердь, судья. – Бросаем рубль. Сначала выбираем поле, а после команду, у которой окажется мяч.

– Предоставляю это право господину Ирмеру-Куликову, – великодушно предложил Шелия.

Вообще, выглядел он довольно расслабленным и спокойным. Будто не сомневался в своей победе. Что ж, это мне только на руку.

– Наше поле вон то, – указал я себе за спину. – Мяч у «Пажеского корпуса».

На это было несколько причин. Первая – мне не довелось посмотреть, как играет команда противника. Хотя в целом общее представление имелось.

Как только я начал узнавать здешний футбол, меня чуть инфаркт не хватил. То, что игра здесь развивалась слабо – стало понятно сразу. Но когда я расставил схему с четырьмя защитниками, Фима честно спросил: «Зачем так много?». У них обычно и пара справлялась. За центром здесь следила полузащита, как правило из трех игроков. Ну, и пять нападающих боролись у ворот. Говорю же, варварство.

Я пошел еще дальше, решив играть в супероборонительный футбол по схеме 5–4–1. Не только из-за того, что был поклонником катеначчо. Я исходил из технического оснащения своих футболистов. Чистый форвард у нас один – рыжий Вадим. И не потому, что он крутой нап. Тот же Фима, на мой взгляд, намного пластичнее и более хорош на коротких рывках. Просто если поставить Вадима ниже, то что он тогда будет делать? Ходить пешком по полю и ковыряться в носу? А так – может сыграть таранного форварда, продавить противника, отыграть назад. Где оттянутым уже стоит Ефим.

Чуть подумал и перевел крохотного Никитку в край полузащиты. У него скорость хорошая, может и убежать. Пусть лучше в атаке напрягает. Сам же встал под Фимой, ближе к опорной зоне. Так и до защитников докричаться можно будет, и в атаку убежать, если понадобится.

«Пажи» начали бодро. Отпасовали назад защитнику, тот подождал, пока нападающие добегут до наших ворот, и навесил вперед. Крутая игра, поставленная. Из разряда: «Подальше херанешь, подольше отдохнешь». Впереди нападающие уже должны были цепляться за мячи и лупить по воротам из любых положений и любых углов.

Более того, можно сказать, что играли «Пажи» по революционной схеме. Аж с тремя центральными защитниками, двумя опорниками и пятью нападающими. По давней традиции крайние форварды должны были опускаться чуть ниже, если мяч перехватывали. Но в идеале и вовсе не доводить до подобного.

– Гриша, меняй, меняй, – кричал я, садясь ниже. – Бросай его, бери дальнего!

Мои центральные закрыли три удара телами, уж чего-чего, а самоотверженности пацанам было не занимать, но мяч отскочил прямо под ноги одному из «Пажей». Удар вышел хлестким, с отскоком от газона, у Лизы не было никаких шансов. И все-таки она даже задела мяч кончиками пальцев, после чего рухнула на живот.

Я скорчился не из-за гола, а явно болезненного падения девушки. Даже подбежал к ней.

– Как ты?

– Нормально, – ответила голкипер, хотя в ее глазах блеснули слезы. Непонятно, от обиды или от боли.

– Вы что мнетесь, как девицы? – начал пихать я защитникам. – Не давать бить! Летите на мяч. На каждый! Упали, встаем сразу. Собрались, все нормально, играем как при ноль-ноль.

А сам боковым зрением заметил, что на огромном ручном табло под названием «Пажеский корпус» половина черной пластины упала и ноль сменился на единицу. Зрители отреагировали сдержанными аплодисментами. Видимо, ничего другого они и не ожидали. Ну ладно, это мы еще посмотрим.

– Так, все сюда, быстро, – воспользовался я паузой, пока «Пажи» покидали наше поле. – Играем теперь в три полузащитника и два нападающих. Фима, поднимайся выше, в одну линию с Вадимом. Будешь убежать при контратаках. И главное, не выкидываемся высоко, сидим глубже, «Пажи» все равно грузят верхом. Касается всех, кроме нападающих, они на линии офсайда. И не бойтесь фолить в середине поля, если понимаете, что не успеваете.

Мы разыграли мяч и стали катать его от левого крайнего защитника до правого, выманивая противника. И когда вся пятерка нападающих бодрой рысью понеслась вперед, пас наконец дошел до меня. В обычном футболе можно было сыграть в стеночку с ближайшим, пробежать несколько шагов и получить мяч обратно. Более того, мы даже подобное начинали изучать. Но «Пажи» задавали слишком быстрый темп встречи, и мои ребята, откровенно говоря, не успевали.

По-хорошему, надо было слить матч. Показать им, чего простолюдины стоят и что нужно работать еще больше, чтобы достичь результата. Лично на меня бы это точно подействовало. А на остальных? Ну, может, на Фиму, на Никитку, на молчаливого Гришу. По поводу прочих возникали серьезные вопросы. Все-таки им нужно доказать здесь и сейчас, что они чего-то стоят. Поэтому пришлось брать игру на себя.

Я не люблю команды с явным лидером, когда один человек все тащит на себе. Травмируется такой по ходу турнира – и все, до свидания. Но тут внезапно сам стал заложником подобной ситуации.

Как только получил мяч, выполнил обманное движение, сделав вид, что отдаю пас на Фиму, а сам шагнул в сторону. Заодно поглядел, как здоровенный «Паж» стелется в подкате. Нас тренер за подобное всегда ругал. Подкат – средство последней надежды. Если ты уже точно понимаешь, что все остальное не принесет дивидендов, и одновременно с этим на сто процентов уверен, что достанешь мяч. В противном случае – это провал. Всегда надо оставаться на ногах.

На меня выдвинулся полузащитник, но до него еще метров десять, поэтому можно двигать мяч вперед самому. Вряд ли догонит. Итак, выходила атака три в три. Вадим и Фима, один с тяжестью груженого локомотива, другой с легкостью скаковой лошади, уже набирали ход. С ними играли по защитнику. Тут тоже сыграла свою роль отсталость здешнего футбола.

Местные всегда действовали персонально. Как только они поняли, что мы поменяли расстановку, так сразу разобрали игроков, выдвинутых вперед. Думаю, начни мы матч в пять нападающих, и остальным «Пахам» пришлось бы сесть глубже. Но именно на этой слабости я и решил сыграть.

Обвести нерасторопного нападающего один в один мне не составило особого труда. Я секунды две думал, какую бы красоту исполнить, затем выбрал «Радугу». Чуть замедлился, сближаясь с противником, с помощью ступни поднял мяч на пятку и перебросил через защитника, одновременно обегая его.

Простолюдины взорвались восхищенным ревом. Знаю, знаю, могу, когда захочу. А вот пара защитников замерла, привязанная к своим игрокам. Я же неторопливо приближался к воротам. И только тогда визави Фимы бросился мне наперерез. Правда, что он здесь мог уже сделать? Позиция была проиграна.

Я тихонечко, так, что мяч даже не скакал по газону, катнул Ефиму в центр, тому оставалось лишь развернуть стопу и забить в дальний свободный угол. Малая трибуна простолюдников ходила ходуном. Да и сам Фима орал как резаный. Он подбежал ко мне и обнял, повалив на газон. А следом подоспел сначала грузный Вадим, а за ним и все остальные. Только благодаря большому опыту в футболе и природной смекалке, я смог вылезти из этой кучи.

Судя по растерянным лицам «Пажей» – это было не совсем то, чего они ожидали. Но, к чести Шелии, князь быстро навел порядок в команде. Короткий розыгрыш, пас ближнему, потом чуть глубже, так и до вратаря дошли.

Катали «Пажи» относительно неплохо, если сравнивать с нами. У них даже крайние нападающие для этих целей ниже опустились. Не Бог весть как катали, но с нашим уровнем прессинга, точнее с его отсутствием, мы им решительно ничего противопоставить не могли. Только когда противник доходил до центра поля, нам приходилось уже пытаться играть выше.

Беда пришла с правого фланга. Там нашу полузащиту продавили толчком в плечо, а когда на подстраховку выдвинулся ближайший игрок, мяч оказался у Шелии. Князь решил, что лучшего момента уже не будет, и пробил. Надо сказать, пробил выше всяких похвал, с подъема, сильно и точно. Именно в этот момент мне по-настоящему стало страшно за Лизу.

Девушка вытянулась и все-таки ладонями вытащила мяч из-под перекладины, переведя вверх. Я через половину поля даже поаплодировал ей и тут же побежал в штрафную, потому что «Пажи» бросились разыгрывать угловой.

Вот стандарты были нашим слабым местом. У нас из рослых – пара защитников да нападающие. У противника же – все как один, разве что кроме Шелии, тот вполне среднего роста.

И в этот раз «Пажи» выиграли воздух. Русский здоровяк пробил почти в упор, Лиза испуганно выставила левую руку, отбивая перед собой, а на добивании уже набежал Шелия. Вколотил с такой силой, словно хотел наказать за что-то сетку.

– Твою ж мать, сейчас менять всех начну. Если хотите смотреть игру, то идите на трибуну, – обратился я к защитникам.

– Ты не сердись, Благородие, – угрюмо ответил Гриша, самый рослый из всех, – но не поспеваем мы за ними.

– Понятно, что не поспеваете. Но надо стараться. Идти на каждый мяч. А именно этого желания я и не вижу. Поймите, плевать кто выиграет. Плевать, сколько еще нам наколотят. Но покажите мне, что вы хотите играть в футбол!

Впрочем, до перерыва нам решительно ничего поменять не удалось. Несколько раз неплохо сыграла Лиза. Неплохо – это отразила удары. Правда, куда попало, не сильно заботясь о добивании. Но нам повезло. В идеале – как минимум два надо было фиксировать намертво.

Но итоговый счет остался 2:1, что меня, в целом, устраивало. Не потому, что я любил проигрывать. Попросту все, что нам забили – было по существу. И могли забить еще больше. Настало время что-то менять.

– Паша, Прокоп, на замену, на их позиции выходят Вукол и Глеб. Все остальные разминаются, выпущу вас попозже. Игнат, тебя пораньше. Не переживайте, поиграют все. Это же товарняк.

Я тяжело вздохнул.

– А теперь послушайте меня внимательно. Хватит дрожать. Хватит отбиваться. Начните играть в футбол. Они такие же пацаны, как и мы. Да, кому-то повезло родиться с серебряной ложкой во рту, кому-то нет. Но они вообще – не лучше нас. Да, чуть сыграннее. Но у них вся тактика – закинуть вперед, отпасовать набегающему и пробить. Читайте такие моменты. И мы умеем играть в пас. Поднимайте голову до приема мяча, чтобы сразу отдать на свободную зону. Не возитесь. Если есть пространство – идите вперед, двигайте мяч.

Я взял паузу, чтобы отдышаться и стал раздавать слонов персонально.

– Гриша, ты руководишь защитниками. Ну так подсказывай им. Разговаривайте. Лиза, тебя тоже касается. Тебе все поле видно, крикни, когда нужно подстраховать. Никита, когда у нас мяч, ты чего в защите делаешь, а? Где ты должен оказаться? Как минимум, в середине поля и набирать дальше. Открывайся, чтоб тебя, убегай. Я тебе на рывке точно пас отдам. Вадим, Фима, вы тоже застыли как истуканы. Раздергивайте защиту, местами меняйтесь. «Пажи» играют с каждым персонально, если их немного запутать, то они поплывут. Всем все понятно? Так давайте голову из задницы высунем и поиграем так, как мы умеем. Потому что в футболе есть один закон...

– Крылья новый чемпион!

Напоследок я подошел к Лизе, стянул с нее кепку.

– Думаю, хватит прятаться. Удивим немного дворян.

И надо сказать, у нас это получилось. Появление девушки в огромной форме вратаря произвело эффект разорвавшейся бомбы. Зрители повскакивали с мест, бесцеремонно тыкая пальцем в сторону Лизы. Фу, ну что за манеры? А спустя секунд тридцать ко мне подбежал и сухонький судья.

– Господин Ирмер-Куликов, у вас в команде девица? – с некоторым вызовом спросил он.

– Именно. Это в протоколе указано. Разве это запрещено?

– Нет, но... – судья запнулся. – Но она же девица.

– Во-первых, она барышня, а не девица. Представитель дворянской фамилии и ученица лицея для одаренных подростков. Во-вторых, насколько мне известно, правилами не оговорен пол участников. Если «Пажи» не хотят играть против девушки, это их право. Техническое поражение никто не отменял. В-третьих... да что там, хватит и первых двух пунктов.

Судья хлопал глазами и явно хотел сказать несколько слов против, но почему-то не находил их. Это вам еще повезло, что местный Петербург – отсталый, во всех хороших смыслах, город. И тут нет всяких гендерных выдумок вроде Оно, Мы, Их и прочих Боевых вертолетов.

Реф подошел к Шелии и о чем-то с ним долго говорил. Князь выглядел раздосадованным. Я даже его понимал. Он в любом случае был в проигрыше. Выиграет – так у «Крыльев» же на воротах девчонка стояла. Проиграет – и это при том, что за «Крылья» девчонка играет.

Признаться, когда я брал Лизу в команду, то о подобном даже не думал. А тут вон как все интересно вышло.

Но все-таки Шелия решил довести матч до логического завершения, а я облегченно выдохнул. Для нас «технар» тоже ничего хорошего не нес. Никаких уроков из такой победы мы не извлечем.

Наверное, моя речь в раздевалке что-то изменила. По крайней мере, начали мы гораздо бодрее. Стали катать мяч, правда, вскоре опять случился эпик-фейл. Гриша под давлением нападающего отпасовал назад, забыв, что девушка не играет ногами от слова совсем. Лиза и попыталась ударить, как смогла. Получилось плохо. Мяч отскочил на несколько метров перед ней, где уже набегал форвард. Гриша попытался исправиться и даже бросился в подкат, но «Паж» подпрыгнул, а следующим движением с носка отправил мяч в сетку.

– Все нормально, ничего страшного не произошло, играем дальше, – подбежал я к ним.

Гриша набычился, готовый сейчас кого-нибудь убить, а Лиза почти рыдала, не в силах поднять взгляд. Вот тебе и Снежная Королева.

Все пришлось начинать заново. «Пажи» прессинговали, мы катали мяч. Но что-то изменилось. Внезапно Гриша поднял руку, указывая вперед защитнику с мячом, и крикнул своим зычным голосом.

– Центр есть.

И неожиданно мяч с фланга защиты пришел мне в ноги. За спиной уже пыхтел «Паж», но я резко рванул в противоположную сторону от того места куда катился мяч и полузащитник

двинулся за мной. Я же без проблем обежал его, встретился с мячом, прокинул вперед и поднял голову.

Ракетой по правому флангу летел Никитка, оставив далеко позади своего визави. Именно ему верхом и пошел пас. Принял тот его корявенько, чуть не упустив за пределы поля, но все же сам и догнал.

Никита поднял голову, нашел Вадима и навесил. Забавно, что подобные мячи рыжеволосый гигант замкнул бы в трех случаях из десяти. Сейчас оказался именно тот случай. Он шагнул вперед, на мгновение опережая защитника, и от газона пробил в ворота. Вратарь лишь неудачно упал, растопырив руки. Есть!

На минуту мне показалось, что деревянные трибуны сейчас развалятся. Так на них бесновались простолюдины. Сам же Вадим отреагировал излишне спокойно. Показал на Никитку и поднял большой палец вверх. И только после этого стал отбивать пятюни подбежавшей команде.

«Пажи» начали с центра медленно, не пытаясь форсировать события, словно хотели сыграть по счету. Вот только нас это явно не устраивало. Не сговариваясь, мы стали играть выше, хотя я понимал, что теперь именно нас можно поймать на контратаке.

Один из противников зазевался в центре поля, и его сзади догнал Вадим. Вот уж от кого не ожидал, но толстяк действительно выкладывался на полную. Откровенно говоря, он ударил скорее по ноге, но несмотря на гримасу боли, тот успел отпасовать вперед. Вот только из-за травмы мяч еле покатился и оказался аккурат возле меня.

– Фима! – единственное, что успел крикнуть я, но нападающий меня понял.

Рванул вперед, что было сил, сокращая расстояние между защитником. И в момент, когда я вырезал верховой пас, промчался мимо него, оторвавшись на добрых пять-шесть метров. Я же говорил, что Фима резкий.

Вратарь почему-то вышел вперед ногами. Черт его знает, может, здесь у них такая техника. Но Фима легко пробросил мяч над ним и тот тихонько закатился в сетку под рев трибуны простолюдинов.

Мы все бросились к нему, словно выиграли финал Лиги Чемпионов. Да что там, даже Лиза прибежала сюда, крича что-то невнятное и пытаясь дотянуться до Фимы. Праздновали мы так рьяно и долго, что даже судья подошел.

– Крылья! Крылья! Крылья! – скандировали трибуны.

Мне показалось, или кричали в том числе и благородные?

– Господа... и дама, прошу вас перейти на свою половину поля для розыгрыша мяча, – сказал реф.

И вот тут пошла самая жара. Первый шок «Пажей» прошел, и те принялись за нас всерьез. Не стеснялись фолить, действовали компактно и активно прессинговали. И судья, гад, делал вид, что не замечает нарушений. Несколько раз «Пажи» с ударом дошли до наших ворот. Однако тут что-то случилось с Лизой. В хорошем смысле.

Наверное, девушка решила, что пора показать, чего она стоит. И после первых неуверенных сейвов вдруг стала летать вдоль ворот, как заправской голкипер. При каждом ее падении я вжимал голову в плечи, боясь, что именно сейчас Лиза что-нибудь сломает. Но та каждый раз поднималась, откидывала прядь со лба и продолжала следить за игрой.

С девушкой случилась самое лучшее, что может произойти с вратарем. Лиза поймала кураж. Так бывает, когда даже средненький голкипер отобьет несколько простых мячей и начинает тащить такие, какие не мог взять в своей лучшей форме. Забить этому вратарю – задача очень сложная.

Я же выжидал. При такой манере игры, когда противник слишком нацелен на взятие ворот, рано или поздно он ошибется. И тогда можно будет убежать в контратаку. Так и произошло. Правда, ждать пришлось очень долго.

В какой-то момент белобрысый нападающий, устав от тяготины, пробил по воротам. Но на пути мяча появилась нога Гриши. Защитник прервал удар, а мяч, описав дугу, отлетел в мою сторону. Второго такого шанса могло не быть.

Играть было не с кем. Вадим и Фима сели слишком глубоко, обороняясь. Да и силенок у них почти не осталось. Я заменил всех, кого только мог, но нападающих у нас был сильный дефицит. Ладно, сам, все сам.

Ближайшего игрока я обвел старым простым приемом. Сильно оперся на левую ногу, давая понять, что собираюсь ускориться, но в следующее мгновение выпрыгнул вправо, прокидывая мяч вперед.

Длинный проброс, финт Роналду, легкие ложные размахивания ногами вокруг мяча, которые назывались в нашем мире педаладой, а в этом «сожгите этого чертового колдуна», и уход влево. До ворот оставалось метров двадцать пять, но я поднажал, чувствуя в теле необычайную легкость. Уже и придумал, как обыграть вратаря и тут... прозвучала длинная трель. Я даже не сразу понял. Но следом реф свистнул коротко и снова длинно. Я обернулся, нет, он не шутил. Поднял руки над собой, показывая, что матч закончен. Нет, я всякого навидался, особенно в детском футболе, но подобного свинства не встречал.

Простолюдины на трибунах свистели, да и дворяне явно были смущены произошедшим. Единственные, кто оказался рад – мои футболисты. Они бросились ко мне со всей прытью, на которую только оставались силы. Кто-то схватил за ногу, кто-то за руку, я так и не понял, но в какой-то момент полетел вверх. И лишь резкий окрик казаков, все время находящихся неподалеку, окончательно закончил эту вакханалию.

– Коля, мы не проиграли! – раздался рядом восхищенный голос Лизы.

Девушка была чрезвычайно возбуждена, ее глаза блестели, а щеки горели румянцем. Неожиданно она поцеловала меня куда-то в район уха и обняла. И именно в этот момент я почувствовал на себе тяжелый взгляд. Словно на плечи положили раскаленный кусок железа.

Найти его обладательницу не составило труда. С трибуны на меня сурово смотрела Варвара Кузьминична. Я попытался прорваться через радующихся пацанов, и это даже почти удалось, когда передо мной выросли три фигуры – господ Извольского, МаксUTOва и Разумовского. Не знал, что они любят подобные зрелища.

Я хотел отделаться коротким кивком или чем-то вроде того, после чего догнать Варвару, но у господ было иное мнение на этот счет. МаксUTOв, на первый взгляд, легонько взял меня за локоть, однако я почувствовал – избавиться от него не получится.

– Приветствую Вас, Николай Федорович, – сказал он официально. Я даже удивился. Вроде, МаксUTOв со мной был вполне на «ты». – У нас к Вам дело.

– Ваше Высокопревосходительство, это не может подождать?

– Боюсь, что нет, господин Ирмер-Куликов, – сурово ответил Разумовский. – Императору нужно Ваше участие в одном важном предприятии. За Стеной.

Глава 6

– Держи, – протянул я остатки денег Горчакову. – Тут пятьсот рублей. В первую очередь нужно восстановить лабиринт, насколько это возможно, и навести порядок на заводе. Футболисты уже начали убирать стекло и вывозить сломанный забор. Я даже соседа из крематория по их поводу предупредил. Варваре я написал письмо, в котором изложил причину своего отсутствия. Времени в обрез, поэтому действовать нужно быстро.

– Николай, может, поручить это кому-нибудь другому? – взмолился Илья.

– Ага, Протопопову. А лучше сразу дать ему факел в руки и сказать сжечь все к чертям. Ты отвечаешь за ремонт, проводить состязания будет Дмитриева. Она, знаешь ли, стала довольно популярна после недавнего матча.

Что было истинной правдой. Лиза на собственной шкуре поняла, что означает «проснуться знаменитой». Мне подумалось, что это в застенном мире хорошо развита профессия папарацци. Однако местные журналюшки тоже оказались не лыком шиты. Всего за одну ночь они узнали и адрес, и имя (это, кстати, было несложно, достаточно добраться до протокола), и состряпали нечто вроде интервью из комментариев Лизы. Их они получали, пока девушка выходила из дома и говорила, что ничего рассказывать не будет.

За одну ночь Дмитриева стала иконой здорового феминизма, если можно так выразиться. Ей даже поступило два рекламных предложения от лавки товаров повседневного спроса для женщин и магазина корсетов из китового уса. В первом случае даже текст рекламы сами написали: «Елизавета Павловна Дмитриева покупает товары у лавочника Севастьянова».

На все предложения девушка ответила вежливым отказом. Для ее родителей оказалось большим шоком пристальное внимание города к их дочери. Они явно к такому не привыкли. Но, по словам Лизы, ничего страшного не произошло. После суточного препирательства отец даже заказал ей новую вратарскую форму. Правда, втайне от жены. От греха подальше.

Я же решил сыграть на временной известности своей лицейской подруги. Хотя бы потому, что после Разлома у меня были серьезные опасения по поводу успешности состязаний. До этого ли будет людям?

Однако шестнадцать платных заявок ценой по сто рублей за команду смели за считанные минуты. Если так пойдет, придется увеличивать квоту. Или цену. И тот, и другой вариант меня вполне устраивал.

Итого, тысяча шестьсот рублей за выходные. Плюс платное посещение для зрителей в размере пяти рублей, которые будут собирать уже по месту. В качестве контролеров и охраны от незаконного проникновения выступили мои знакомые простолюдины. Хотя я понимал, скорее всего, зайцами кто-то да проникнет. Эта проблема не решится, пока на территории завода не будет стоять нормальный забор. Но дворяне точно заплатят. Не станут же по курмышам² лазать?

Я бы с радостью остался сам. Все что касалось денег мне хотелось контролировать лично. Однако от предложения МаксUTOва нельзя было отказаться. Да и, как выяснилось, никаким предложением это не являлось. Скорее, констатацией факта.

И вот субботним морозным утром я вышел на улицу, к ожидавшему меня Конвою. В достаточно короткий срок мы доехали до границы Петербурга, к стене, где уже собралась большая часть процессии. Помимо знакомых мне Извольского, Разумовского и МаксUTOва, здесь было очень много знатных господ. Основной частью – военных, в высоких чинах и с самым

² Курмыш – уездный город в Симбирской губернии. Со временем потерял статус города и стал селом. По другой версии, так называли стоящие в отдалении чувашские усадьбы. В современном языке употребляется в значении «глушь», «захолустье». Слово активно используется в Самарской области.

надменным выражением лица. Но всех их объединяло нетерпение, с которым они вглядывались в каждый подъезжающий экипаж.

Подобная участь не миновала и меня. Вообще, довольно неуютно чувствуешь себя, когда за тобой следят десятки взглядов. Некоторые даже кивали в мою сторону, явно узнав в молодом лицеисте застенца. Но вскоре и они утратили свой интерес, когда вдоль набережной застучали колеса очередного экипажа. Навстречу мне шагнул один лишь высокородный.

– Доброе утро, Николай, – улыбнулся Максutow, держа мундштук с тонкой сигаретой. – Великолепный день, чтобы нанести визит к твоим сородичам, не так ли?

В этом он оказался абсолютно прав. Солнце светило ярко, ветра не было, а к легкой прохладе я постепенно привык. Собственно, с этим расчетом и не взял ни одну из шинелей, которые нам выдали в лицее. Первая – легкая, суконная, с пелериной, предназначалась для слабых морозов. Вторая – плотная, шерстяная, с двухслойным плетением, рассчитывалась на крепкие холода.

– Вернуться домой после долгого отсутствия всегда приятно, – ответил я.

– Зачастую не рекомендуют возвращаться туда, где тебе было хорошо. Чтобы не разрушать иллюзию.

– Я все же рискну. Итак, по всей видимости, мы ждем Императора?

Вопрос был вполне себе риторический. Кого еще могли ожидать эти высокопоставленные люди утром, вглядываясь в экипажи.

– Верно. Их Императорское Величество скоро должны подъехать. И тогда уже двинемся.

– Игорь Вениаминович, а позволите полюбопытствовать о цели нашего визита?

– Переговоры с застенцами по поводу сложившейся ситуации, – внимательно посмотрел на меня Максutow. – Знаешь ли, там, – указал он в сторону туманной преграды, – тоже возникли Разломы. Только застенцы оказались к ним совсем не готовы. И сейчас они напуганы. А в страхе человек, любой, может наделать много глупостей. Мы хотим их от этого предостеречь.

– Какую роль в этом играю я?

– Ну... – протянул дворянин, словно раздумывая. – Ты маг. Вдруг нам понадобится твоя помощь? – с едва скрываемой улыбкой, ответил Максutow. – Тем более, свидетель трех Разломов. Тебя можно назвать в них большим специалистом.

– Я бы посмеялся, Игорь Вениаминович, вот только меня подняли чересчур рано, поэтому настроения веселиться нет, – начал злиться я, но старался не показывать этого. – Вон там стоит Его Императорское Высочество великий князь Владимир Георгиевич. Если не ошибаюсь, он второго ранга. Рядом с ним Его Высокопревосходительство князь Разумовский. Тоже второй ранг. Далее Голубев, Шувалов, Никитин, Румянцев. Люди разного достатка и положения. Что же может их объединять?

– Ты неплохо поднатаскался в знании придворных особ, – усмехнулся Максutow.

Я позволил себе проигнорировать его слова и продолжить:

– Их объединяет то, что все они единицы. Самые могущественные маги в Петербурге. Вот только, если верить слухам, тот же Никитин в сильной опале. Впрочем, как и Вы.

– Слухи – не самый достоверный источник информации, – сухо заметил Максutow.

– Чтобы не слышать их, пришлось бы ходить с закрытыми ушами, – пожал я плечами.

– Твоя правда, – покрутил свой тонкий усик Игорь Вениаминович. – Петербург стал слишком мал, чтобы говорить что-то на одном конце и надеяться, что это не услышат на другом.

– Иными словами, Его Императорское Величество собрал для поездки на переговоры слишком разных людей. Даже тех, с кем у него не самые лучшие отношения. И руководствовался лишь магическими способностями. Судя по всему, этих людей хватит с лишком, чтобы стереть мою родную Самару с карты.

– Ты немного недооцениваешь наших магов, – будто бы даже обиделся Максutow. – Помимо тех, кого ты назвал, среди Конвоя еще генерал Киселев, тоже первого ранга. И около двадцати двоек среди сопровождения.

– Мы готовимся к полномасштабному вторжению? – скривился я. И только потом осознал, что сказал «мы».

– Нет, тогда бы здесь оказались все единицы Петербурга. Но кто-то же должен защищать город, пока нас нет. Все проще, Император впервые посещает Застенье. Надо пресечь все возможные инциденты.

– И теперь мы возвращаемся к моему вопросу. Зачем там я?

Максutow тяжело вздохнул. Он походил на шулера, обман которого раскрыли. Я бы не удивился, если б сейчас Игорь Вениаминович нашел срочные дела или попросту отказался беседовать. Однако, к моему немалому удивлению, Максutow все же стал говорить:

– Видишь ли, Николай, ты довольно любопытная фигура. Вроде козырного валета. Не самый большой козырь в колоде, но с его присутствием приходится считаться. Первый человек из того мира, к которому перешел дар. Твое имя уже облетело все застенье. Ты стал важным символом, что каждый из них может стать магом. И Император вынужден демонстрировать, что с тобой все в порядке.

– А это правда? Я не про себя. Что магом может стать каждый?

– Когда-то считалось, что магия приравнена к проклятию, – ответил Максutow. – Она проникла в наш мир слишком внезапно и принесла одно лишь горе. Ты знаешь, сколько людей погибло от морового поветрия?

– Читал, – пришлось кивнуть ему.

– Моровое поветрие напрямую связывают с магией. Говорят, что долгое время был открыт большой Разлом в наш мир. Магии выплеснулось слишком много, и не все люди смогли приспособиться. Здесь, как я понял, никакой болезни не было.

– И чисто теоретически...

– Многие могут действительно стать магами. Природа Разломов очень сложна по своей сути. Знаешь ли ты, что долгое время наши ученые нарочно пытались вызвать их?

– Дай угадаю: на вражеской территории?

– У Империи нет врагов. Лишь союзники и... партнеры.

– Хорошо, – принял я правила игры. – Значит, скажем, Империя была заинтересована в появлении Разломов на территории партнеров?

– Каждое сильное государство заинтересовано в том, чтобы ослабить соседа. Такова политика. Если только у них нет еще более сильного противника. Тогда приходится объединяться. Но знаешь, что удалось выяснить?

У меня не было никаких версий. Поэтому лучшее, что я мог сделать – промолчать.

– В 1949 году произошли сильнейшие Разломы по всему миру. На территории Российской Империи их случилось всего три. И все удалось отбить без потерь, благодаря слаженной работе нашей армии...

Я чуть не зевнул. Походило на новостную программу одного из центральных каналов. Максutow явно заметил перемену в моем настроении и слегка улыбнулся.

– Не буду тебя утомлять, но после сорок девятого года количество наших магов первого ранга выросло на одиннадцать процентов. Да и качество прочих ворожеев повысилось.

– Хотите сказать, что Разломы положительно сказываются на магах? – удивился я.

– На тех, кто выживает после них, – горько усмехнулся Максutow. – Но если грубо, то да. Маг – напоминает собой губку, а магия – воду. И проникает она через Разломы.

– Таким образом, вам было бы очень выгодно, чтобы Разломы приходили и в этот мир. Ведь так?

– До того момента, пока среди застенцев не начнут появляться маги. А они начнут, будь уверен. Рано или поздно. Среди такого количества людей это просто неизбежно.

– Тогда возникает другой вопрос. Для чего Вы рассказываете это мне, вчерашнему застенцу, которого слишком многое связывает с тем миром?

– Разве мы не можем побеседовать просто так, по-приятельски? – улыбнулся Максutow.

Игорь Вениаминович пытался казаться бодрым, веселым и чуть снисходительным. Однако у него под глазами залегли глубокие синяки, цвет лица стал серым, безжизненным, а неизменной причёске не хватало обычного лоска. Словно его подняли совсем недавно, после бурной ночи, и приказали явиться сюда.

– Мы вроде решили, что здесь нет глупцов, – пожал плечами я.

– А может, мне приказали рассказать все тебе? Такое возможно?

– Подобное мог приказать только один человек. Но и он не создает впечатление того, кто не думает о последствиях.

– Наверное, придется перенести этот разговор на следующий раз, – мягко улыбнулся Максutow. – Нам действительно пора.

Игорь Вениаминович, скорее всего, и правда не хотел разговаривать на эту тему. Однако причина окончания беседы сейчас ехала по мостовой в окружении всадников на кьярдах. И, судя по золоченой карете с вензелями, внутри нее мог сидеть только один человек.

Я оказался прав. Когда карета подъехала к границе, из нее вылез Романов. Как обычно прибавляли местные: «Долгих лет его жизни». Вблизи Император выглядел еще более величественно. Я в очередной раз подумал: как много все-таки дает высокий рост.

Со своих почти двух метров он смотрел великодушно, но вместе с тем внимательно. Будто отец многодетной семьи глядит на шалости ребятишек, готовый в любую минуту прикрикнуть, если забавы перестанут быть безобидными. Я смотрел на Императора через многочисленные спины дворян, тоже склонившись в поклоне. И никак не ожидал, что Его Величество обратит внимание на меня.

– Граф, рад, что Вы с нами, – сказал он с легкой улыбкой.

Ага, будто у меня был особый выбор.

– Отложил все свои дела, Ваше Величество, чтоб показать Вам свой мир, – сказал я. И по гневному взгляду Разумовского понял, что ляпнул что-то излишне дерзкое.

– А это хорошая идея, – воскликнул Император. После чего обернулся к гофмейстеру. – Борис Карлович, Ирмер-Куликов поедет со мной. А Вы сядьте... да вон, хоть с Игорем Вениаминовичем.

Взглядом Разумовского можно было бы разводить огонь в безвоздушном пространстве. Видимо, на ровном месте я только что нажил себе врага. Ну да, умею, практикую. С другой стороны, у нас с ним отношения как-то сразу не сложились.

– Держитесь ближе ко мне, юноша, – сказал Император. – Сначала придется потерпеть. С непривычки будет тяжело. Но потом и это пройдет. Со временем все проходит. Господа, начинайте.

Я не сразу понял, что он имел в виду. А секунд через пять, когда первая защита легла на плечи, объяснения уже и не были нужны. Окружающий мир заполнили витые формы заклинаний, часть из которых оказалась и вовсе незнакомыми.

На плечи давила небывалая тяжесть, в ушах шумела кровь, ноги гудели, голова трещала. В воздухе разлился запах магии. Я не мог объяснить его природу, но именно теперь понял, что имел в виду Будочник, когда говорил обо мне и корице. У каждого сильного мага был свой запах. Теперь, сливаясь в нечто общее, дисгармонирующее, он напоминал резкую вонь железа. Казалось, даже язык защипало. В нас сейчас в упор из «Града» можно было бить. Без всякого успеха.

Наверное, из-за множества защитных заклинаний я даже на пару сантиметров ниже стал. Так уплотнились позвонки. Император слегка морщился, но стойчески переносил вынужденные меры собственной безопасности. Наконец со всем было покончено, и пограничники стали убирать кованые элементы со Стены, открывая проход. И довольно скоро нашему вниманию предстали военные с другой стороны, во главе со знакомым мне, исключительно по телевизору, министром иностранных дел Российской Федерации.

– Добрый день, Ваше Величество, – чуть поклонился он. – Лаврентьев Виктор Сергеевич. Рад, что Вы приняли наше приглашение. Господин Президент нас уже ожидает.

– Не будем заставлять его ждать, – улыбнулся Романов.

Но все же первым за Стену шагнул многочисленный Конвой. Чем была хороша нынешняя поездка – Черевин со своими людьми остался позади. То ли у него допуска не оказалось, то ли для подобного вояжа рангом не вышел.

На пересечении Мориса Тореза и Волгина нас уже ожидали несколько запряженных лошадьми цыганских карет. Тонированные высокие окна, автомобильные колеса с толстыми покрышками, и судя по просевшим рессорам, явно пуленепробиваемая кабина. Какой-нибудь спецзаказ за весьма короткий срок. Когда очень надо, да еще и тому, кому надо, у нас работать умеют. Ко всему прочему, «АвтоВАЗ» под боком. Там примерно то же самое и производят. Разве что не бронированное.

Про кареты это они правильно решили. Сейчас магией так фонило, что никакое бы авто не выдержало. У меня вообще возникали небольшие сомнения, не заденет ли наша аура близлежащие дома. Уж слишком бодро нас набаффили.

Вдалеке, за Аэродромной, уже работали вспышки фотоаппаратов. Видимо, тех самых, способных снимать и за километр. Ну да, не каждый день в твой мир прибывает Император магов. Насколько помню, за полгода Романов впервые покинул Петербург.

– Думаю, Вы поедете с нами, – сказал Император Лаврентьеву.

Я было испугался, что сейчас опять кого-нибудь «отцепят», как это произошло с Разумовским. Например, меня. Но, как выяснилось, службы Его Величества и Президента не даром ели свой хлеб. В карете оказалось ровно четыре места. Последнее занял тот самый генерал из Конвоя, маг первого ранга.

В чем Император оказался прав, прошло совсем немного времени и меня начало отпускать. Теперь просто казалось, что плыву в подводной лодке. Звуки снаружи слышались сильно приглушенными, но в целом – никакого дискомфорта.

Мы посидели какое-то время внутри, пока карета стояла на одном месте, после чего сопровождение наконец дало добро, и магическая кавалькада тронулась. Император повернулся ко мне и с легкой полуулыбкой заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.